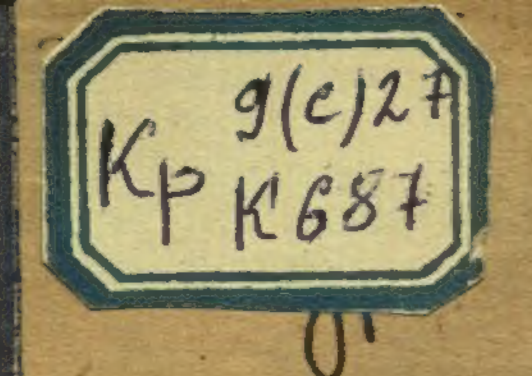
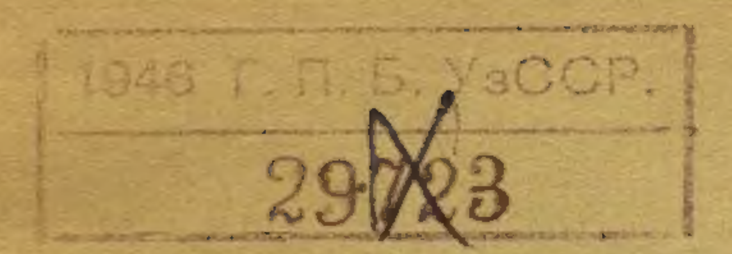

В. КОРОТЕЕВ

НА ЗЕМЛЕ СТАЛИНГРАДА

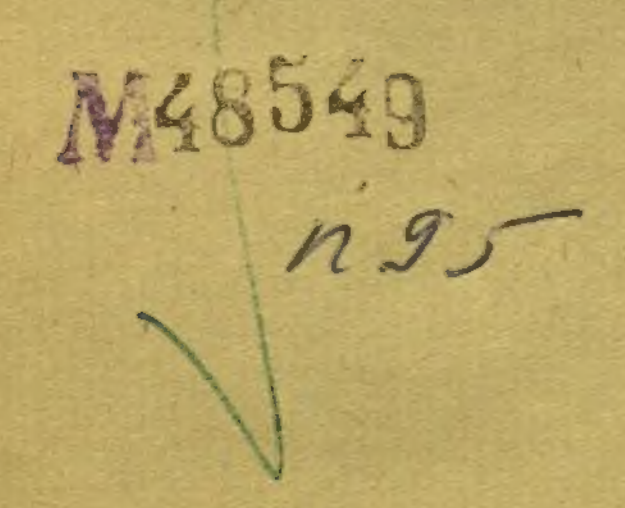
Областное книгоиздательство
Сталинград 1945

В. КОРОТЕЕВ

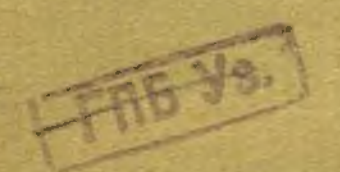

НА ЗЕМЛЕ СТАЛИНГРАДА

Записки военного корреспондента

ОБЛАСТНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СТАЛИНГРАД 1945

В СТАЛИНГРАДЕ

Длинные песчаные острова, поросшие ивняком, молодым дубом и хворостом, разделяют Волгу у Сталинграда на два рукава. Лишь у центра города острова обрываются, и тут ширь Волги открывается взору во всей своей могучей красе.

В конце августа здесь обычно знойные дни. Огнистое сталинградское солнце жарит с утра. Волга несет свои полные воды к Каспию, нежно плещут волны, набегая на берег, шлепают в борты лодок, стоящих у берега; дует с низовья сухой каспийский ветер, он рябит Волгу и причудливо меняются блики на широком плесе реки. Кажется, что это та же довоенная Волга, с ее обычной трудовой жизнью, мерными гудками пароходов, муравьиной работой грузчиков. Но нет, Волга изменилась, она стала теперь военной рекой...

В город можно попасть только с левого берега, так как немцы вышли к Волге севернее Сталинграда. Чуть повыше Красной Слободы — отлогий и песчаный берег. В ожидании парома я лежу на теплом песке и всматриваюсь в родной город.

Отсюда, с левого берега, город, раскинувшийся на возвышенном правом берегу в излучине Волги и амфитеатром поднимающийся от берега к западу, с первого взгляда кажется таким же обычным, как и прежде, словно рука войны не коснулась его. Вон в центре белые многоэтажные корпуса домов, дальше, на север, утопающие в зелени парков, «нижние поселки» заводов,

за ними высокие трубы сталинградских великанов: «Красного Октября», «Баррикад», Тракторного, за которыми на горе, тоже в зелени садов, «верхние поселки» — новые многоэтажные дома, аккуратные тесовые домики.

Лишь внимательно всмотревшись, видишь потрясающую душу картину. Прежнего живого Сталинграда нет, остался скелет его, кладбище.

На пристани сгрудились десятки машин, пушек, снарядных ящиков, у самой воды группа загорелых, запыленных бойцов, сняв сапоги, разлеглась на песке. Один из них — смуглый, с мальчишески озорными глазами, запевает высоким тенором:

За лесом солнце просияло,
Там черный ворон прокричал.

Он взмахивает рукой, как дирижер, и послушный ему хор подхватывает:

Прошли часы мои, минутки,
Когда с девчонкою гулял....

Еще не погас последний звук песни, как запевала вновь зажигает ее:

Бывало рано просыпаюсь —
Лежит девчонка на руках.

И опять подхватывает дружный бойцовский хор:

Теперь я рано просыпаюсь—
Стоит винтовка в головах.
Служить за Родину я буду, —
Куда пошлет меня страна,
Домой тогда я ворочуся,
Когда закончится война.

Кажется, песня уже спета, но смуглый запевала еще раз поднимает голос над рекой:

А может быть я оженюся
С свинцовой пулею в груди...

Все у переправы внимательно слушают песню, про-

стую и грустную солдатскую песню, глубоко проникающую в душу тех, кто едет сейчас на тот берег, в Сталинград.

Подходит с правого берега маленький катер. Он цепляет на буксир груженную ящиками снарядов, пушками, машинами огромную баржу и, напрягая силенки, пыхтя и отдуваясь, тащит ее вверх по течению.

На берегу зажигают дымовые шашки, и Волга окутывается завесой дыма. Это — маскировка от вражеской авиации. Но все же не успел паром отойти от берега на сто метров, как над нами появились три немецких самолета.

— Сейчас будет бомбить, — испуганно сказал шофер, — держитесь ближе к борту. Вон спасательные круги.

Кое-кто на пароме уже приготовился бросаться в воду. Лишь шестеро бойцов морской пехоты в тельняшках, в парусиновых брюках и бескозырках, сидя на подножке машины, невозмутимо ели арбуз, выплевывая семечки в воду. Они, казалось, не обращали никакого внимания ни на немецкие самолеты, ни на беспокойство, которое возникало на пароме.

Над самой головой проревели моторы и через секунду столбы воды поднялись невдалеке от баржи — немцы сбросили бомбы. Несколько бойцов, приставив винтовки к плечу, не целясь, выстрелили в хвост уходившим «Хейнкелям».

— Куда бьешь, голова, — крикнул рыжий моряк в тельняшке и бескозырке с надписью «Волжская военная флотилия» усатому ездовому. — Палишь зря в белый свет, как в пятак. Надо же упреждение брать...

— Та я близорукий, — смущенно отозвался тот.

— Близорукий? А мясу во щах видишь? — строго спросил рыжий моряк, и все вокруг засмеялись.

Плывут по Волге тысячи розовых и белых немецких листовок — глупых и лживых. В синем небе за городом идет воздушный бой. Низко над землей — пикировщики, сверху над нами кувыркаются в воздухе истребители.

— Что это они разлетались? — спрашивает шофер.

— Бахчи караулят, — насмешливо отвечает ему рыжий веселый матрос, отрезая себе здоровенный кусок арбуза.

Паром проходит мимо сгоревшего парохода, стоящего на мели у песчаной косы, — излюбленного пляжа сталинградцев. Неподалеку от парохода, посреди Волги, стоит на якоре полузатонувшая баржа.

—Сказывают, на барже селедки много осталось,—говорит рыжий моряк своим приятелям.—Сейчас бы водки, да на баржу эту забраться. Ка-а-кая закуска...

Паром подходит к правому берегу. На пристани сгрудились сотни горожан — женщин, детей, стариков. Лица у них усталые, измученные бессонницей, глаза тоскливые, скорбные, испуганные. Разбитое, на-смерть обгоревшее здание водокачки. У берега торчат из воды затонувшие и сгоревшие остовы пароходов.

Дорога от центральной пристани в город изрыта воронками от бомб, повсюду раскиданы ящики снарядов и патронов, каски, сумки с противогазами. Разбитые плоты, сожженные вагоны на железнодорожной линии. Тяжело и больно смотреть на все это. Знакомые с детства улицы трудно узнать—так обезображены они, разбиты, завалены кирпичом, щебнем, стенами рухнувших домов. Ни одного уцелевшего здания. Зеленые клены на улицах также разделили судьбу города—одни обуглены, другие—искалечены. Словно буря неслыханной адской силы пронеслась по городу.

На берегу, у пристани, стоит высокая бронзовая фигура летчика в кожанке, пробитой осколками бомб.

Это — памятник знаменитому сталинградцу, Герою Советского Союза, комдиву Виктору Хользунову. Земля вокруг памятника изрыта снарядами и бомбами. Летчик стоит на берегу — высокий, широченный в плечах, витязь неба. У него открытое, немного скуластое лицо, крепко сжатые губы, высокий лоб. Вся его фигура дышит силой. Комдив перед боем отдает приказ. В левой руке зажата кожаная перчатка, пальцем правой руки он властно показывает вниз: разбить, уничтожить противника, вогнать его в землю! Бронзовый летчик стоит у берега Волги, как символ бессмертной славы мужественных сынов Сталинграда.

В центре города, на трамвайной линии, — обгоревшие скелеты вагонов. Сады Сталинграда стали огневыми позициями артиллерии. В одном из них, в сквере на центральной площади Павших борцов, стоит батарея тяжелых орудий, а у фонтана лежит сбитый немецкий бомбардировщик, распластав серозеленые крылья. Все дома вокруг площади разрушены, сожжены. Стоят, как зубцы старинного замка, руины «Дома Коммуны», стены Большой Сталинградской гостиницы упали, раздавленные тяжелыми фугасками. Черными впадинами окон, как человек, которому выкололи глаза, глядит на площадь массивное серое здание центрального универмага. Догорают упавшие с крыш стропила, мебель, бьет в лицо горячий удушливый дым, пахнет горелой краской, громыхает на ветру сорванная с крыш жесть. На серой опаленной стене универмага бросается в глаза уцелевшая зеленая вывеска: «Магазин открыт с 9 часов утра до 6 часов вечера».

Мы отправились искать штаб фронта и Обком партии. Проехать площадь оказалось невозможно, она была опоясана баррикадами. Оставили машину у здания универмага и пошли пешком. Здание Обкома партии сгорело и единственным уцелевшим в центре города

зданием был городской театр имени Горького, с израненными осколками бомб львами у подъезда.

Смотришь и не веришь, что нет города, того славного, милого города, каким мы знали его раньше. Все, что видишь сейчас, идя по улицам, кажется страшным сном.

На фронте, вдали от Волги, мы, сыновья Сталинграда, с нежностью вспоминали родной город, тосковали о нем, вспоминали все уголки его. «Обнимаю его площади, целую его землю, — писал я друзьям с фронта, — какой он хороший, наш Сталинград. Мечтаю о встрече с ним». Мог ли я когда-нибудь думать, что встреча окажется такой?

От берега через город, в степь, к линии фронта идут батальоны пехоты. Бойцы с волнением смотрят на страшные картины тяжело израненного города, на памятники легендарной Царицынской обороны, останавливаются у трехэтажного серого дома на Московской улице. На мемориальной доске написано: «Здесь помещался в 1918 году штаб X-й армии и работал тов. Сталин». На стенах четырехэтажного «Дома Коммуны», белого массивного театра имени Горького и двухэтажного дома Сталинградского гарнизона также мемориальные доски. Эти исторические дома — свидетели Царицынской обороны. В саду на площади Павших борцов среди деревьев—серый обелиск—памятник пятидесяти четырем героям Царицына. Бойцы идут мимо Комсомольского садика, где стоит памятник Якову Ерману — первому председателю Царицынского Совета. Рядом с памятником, в блиндаже, где сейчас помещается Городской Комитет Обороны и штаб МПВО, стоит в углу алое знамя с привинченным к нему орденом Красного Знамени. Знамя и орден — боевые награды правительства славному Царицыну, священные реликвии Сталинграда. Сталинской славой навечно овеяна вся земля Сталинграда.

По крутой дороге въезжаем на Мамаев курган. Это единственное место, откуда можно, как на ладони, видеть весь город, на шестьдесят километров раскинувшийся вдоль Волги, панораму могучих сталинградских заводов, нескончаемой лентой протянувшихся вдоль берега: Тракторный с его стройными корпусами цехов, красные трубы мартеновских цехов заводов «Красный Октябрь», «Баррикады». Это три старших брата в большой семье сталинградских заводов, награжденные орденами Ленина за трудовую доблесть. Позже им суждено было стать главными бастионами сталинградской обороны... К югу от центра —высокая железо-бетонная громадина элеватора, корпуса Сталгрэс, судоверфи — все эти заводы вызывают в памяти годы сталинских пятилеток, когда вырос, как молодой богатырь, индустриальный Сталинград. Это—вторая слава города, рожденная в годы мирного строительства.

Вот он — Сталинград — город нашей молодости! В расцвете сил и надежд его строила молодежь. Здесь, на берегу Волги, мы начинали жизнь, здесь мечтали, надеялись, любили. Все светлое, милое связано с этим городом. Он был колыбелью нашей юности, нашей жизнью. С детства молодежь Сталинграда впитала в себя боевые традиции Царицынской обороны. Каждый из нас хорошо знал все места прошлых боев, памятники их, гордился славой родного города.

Мы гордились ранами отцов, седыми окопами, новой набережной, садами и парками, которые мы вырастили, заводами, которые выстроили на земле, политой кровью. Мы говорили всему миру: хотите посмотреть, что создала советская власть, — взгляните на Сталинград!

С Мамаева кургана далеко, на много километров, виден левый берег Волги, весь в зелени лесов, затон, окаймленный белой песчаной косой, серые деревянные доми-

ки Красной Слободы, а дальше—озера, леса.

К западу, сразу за городом, начинается молодой кленовый лесок — он тянется на несколько десятков километров вдоль города. Этим зеленым кольцом сталинградцы опоясали свой город для защиты от степных песчаных метелей.

За «зеленым кольцом»—бахчи, недавно зеленые, теперь почерневшие от пыли и пороха, а за бахчами бескрайняя степь, поросшая серой полынью и молочаем, выжженная солнцем, изрезанная оврагами и изрытая окопами. Воздух насыщен пылью, поднятой идущими танками, разрывами бомб и снарядов, сухим степным ветром. Песчаная метель! Она слепит глаза, толстым слоем садится на людей, на оружие, и бойцам приходится десятки раз протирать автоматы и пулеметы, чтобы они не отказали в бою. Опытный солдат обертывает затвор носовым платком либо куском портянки.

В оврагах трава под деревьями помята или вовсе вытоптана. Следы костров и кучи срубленных веток, перепачканных кровью, — тут варили суп, там перевязывали раненых. На каждом шагу воронки от бомб, снарядов и мин.

Степь гудит от рева моторов на земле и в воздухе. Гул артиллерийской канонады разносится далеко по Волге. Ясная синь сталинградского неба теперь страшнее грозовой тучи — почти непрерывно в нем идут воздушные бои.

У окраины заводского поселка, на перекрестке двух дорог, в вишневом саду стоит батарея противотанковых орудий. Дула пушек направлены на дорогу, откуда могут показаться немецкие танки. Командир орудия, молодой, плотно скроенный сержант Скиба, шахтер из Ворошиловграда, смотрит то на дорогу, то в небо.

— Не думал батяня мой, что и сыну придется воевать у Сталинграда, — задумчиво говорит он.

Конечно, Скибе тяжело сознавать, что далеко, слишком далеко допустили мы немцев—до самой Волги. Но в то же время он гордится тем, что не только отцу, но и ему, молодому Дмитрию Скибе, довелось оборонять Сталинград. Он гордится и тем, что из своего орудия подбил семь немецких танков, восемь автомашин с пехотой, бронемашину и тем, что на войне у него славные боевые друзья, такие, как сержант Голомазов, который подбил шесть танков и прямой наводкой вдребезги разнес шестиствольный миномет.

—Это же на всю жизнь запомнится,—говорит он. — Кто живой останется, тому большой почет будет от народа. Шутка сказать, Сталинград отстаивал! А тех, кто погибнет, тоже не должны забыть. Памятник, думаю, поставят им, как Хользунову.

В штабе дивизии нам рассказали о подвиге минометного взвода младшего лейтенанта Тарасова. Он занимал позицию на западной окраине города, на склоне оврага. Через овраг идет дорога в город. Минометчики понимали, что этот рубеж надо защищать, чего бы то ни стоило. Люди, измученные непрерывными боями, не спали трое суток, но держались бодро.

Утром наблюдатель донес: «Идут танки и мотопехота». Тарасов скомандовал: «Огонь по пехоте!» Еще до подхода к оврагу немецкие пехотинцы были рассеяны, но танки медленно и осторожно приближались. Две головных машины подошли к оврагу и начали спускаться по склону. Они уже вплотную подходили к огневой позиции минометчиков. Тогда одна за другой полетели гранаты, бутылки с горючим. Оба танка загорелись, но за ними на дороге появились еще два. Маневрируя, они обошли горящие машины и стали спускаться ниже. Вот они уже пересекли ручей. И вновь летят под гусе-

ницы гранаты, за ними бутылки—и еще два танка остановлены.

В этот момент над оврагом снова появляется танк. Остановившись, он в упор начинает обстреливать минометчиков из пушки и пулеметов. Один за другим выходят из строя люди. Младший лейтенант лезет наверх по крутому обрыву, подползает к танку, бросает одну, другую, третью бутылки. Пламя охватывает танк, из люка выскакивают немцы.

Но Тарасову уже некогда стрелять в них. Он видит на дороге еще несколько идущих танков. На больших скоростях они подходят к оврагу. Тарасов скатывается вниз. Гранаты уже кончились, бутылок с горючим тоже нет. Что же делать? Отходить, значит открыть дорогу к центру города. Измученный жарой и боем, младший лейтенант смотрит на шестерых оставшихся бойцов, затем на минометы, на мины...

— Бери мины!..— кричит он и сам, взяв мину, ползет по обочине дороги. Он ударяет мину капсюлем о землю и, поставив ее на боевой взвод, обеими руками бросает под гусеницы идущего танка. Взрыв — и гусеница разорвана. Экипаж танка пытается уйти, но пули минометчиков настигают немцев.

Пример Тарасова послужил сигналом к невиданной борьбе. Минометчики ставили мины на боевой взвод и бросали их под вражеские танки. Немцы осыпали дно оврага снарядами и пулями, но минометчики, укрытые окопом, продолжали неравную борьбу. Их стало уже четверо, но они не думали отходить. И не отошли.

Батарея старшего лейтенанта Тимофеева только-что заняла огневые позиции на кургане близ дороги. Вскоре командир батареи позвонил подполковнику Горелику:

—Подходят десять вражеских танков.

—Открыть огонь!—приказал подполковник.

Три танка были сразу подбиты, остальные повернули назад и скрылись за соседним курганом. Не прошло и четверти часа, как Тимофеев звонит:

— 50 танков обходят батарею справа и слева.

Подполковник ответил:

— Не пускать на дорогу, держаться до последнего снаряда.

Четыре часа продолжался этот смертный поединок батареи с танками противника. Когда немцы обошли высоту с тыла, артиллеристы повернули орудия и стали в упор расстреливать их. Стволы орудий накалились. Ни яростный огонь танков, ни бомбежка с воздуха не могли сломить стойкость артиллеристов. Уже справа и слева пылали восемь танков. Вскоре замолкли еще одиннадцать вражеских машин.

Но таяли и ряды наших бойцов, одна за другой выходили из строя пушки. Вот пошел последний снаряд, поданный в ствол слабеющей рукой израненного наводчика.

Батарея замолкла. Из пятидесяти танков двадцать девять недвижно стояли у высоты, остальные рванулись вперед по дороге. В это время подоспели наши танки, только-что вышедшие со двора Тракторного. Вражеские машины, не выдержав их натиска, повернули назад.

На окраине, на углу улицы сидят в окопах бронебойщики. Они сегодня отбили четыре атаки большой колонны немецких танков. Под крышами домов, на чердаках, сидят автоматчики. Они обстреливают немцев, перебегающих соседнюю улицу. Двое автоматчиков — забайкалец Суров и сибиряк Васильев—раненые сошли с чердака, но уйти в госпиталь, оставить товарищей не захотели: умирать — так вместе, драться — так вместе до тех пор, пока руки держат оружие.

... Кончился долгий сталинградский день. Солнце уже закатилось, когда мы возвратились в штаб армии, на

каменистый Мамаев курган, поросший молодыми кленами (уже на другой день он стал местом неслыханно тяжелых двухмесячных боев). Теплый ветер обнимает жаркую степь, Волгу, город. Может быть ночь принесет отдых защитникам Сталинграда? Нет! Грохот битвы не прекращается и в темноте сентябрьской ночи. Тяжелую темень раскалывают взрывы снарядов и мин. Красные нити трассирующих пуль несутся в небо, словно искры от невидимого костра. Прожекторы прощупывают облака, чуя гул тяжелых бомбардировщиков. Широкие вполнеба зарницы бомбовых разрывов на миг освещают темную волжскую воду, длинные стены заводских корпусов с выбитыми стеклами, паровозы, недвижимо висящие в пролетах краны. К западу от нас полыхают зажженные немцами Городище и корпуса авиаучилища. В трехстах метрах от кургана, у берега Волги, горит Нефтегородок, огромный столб дыма над ним поднимается словно из кратера действующего вулкана.

В тучах дыма, в отблесках огня, в свете ракет, гирляндами повисших над берегом, город продолжает борьбу. Сталинград, наш славный город-боец, город-солдат, отбивает бешеные атаки немцев.

Сегодня здесь все повторяют слова из передовой вчерашней «Красной звезды», слова, написанные уже на стенах домов: «Назад от Сталинграда для нас дороги больше нет. Она закрыта велением Родины, приказом народа. Отечество требует от всех защитников города биться до последнего, но удержать Сталинград».

Мы стоим на кургане вместе с членом Военсовета 62 армии Кузьмой Акимовичем Гуровым и, всматриваясь в темноту сентябрьской ночи, говорим о трагической и славной судьбе города. Страшно здесь, в Сталинграде, на этом берегу. Но разве кто из сталинградцев сойдет с этой земли?

Сталинград, сентябрь 1942 г.

ОТЕЦ

Командира тяжелого 120-миллиметрового миномета Полякова Ивана вся батарея с уважением называла отцом. И не потому, что Поляков по возрасту был старше других бойцов: на вид это было почти незаметно. Высокий, немного сутулый, с бритой головой, всегда свеже-выбритый, с коротко подстриженными усами, с юношеским блеском голубых глаз и сильными жадными до работы руками, «отец» выглядел довольно молодо для своих 45 лет. И лишь морщины, пересекающие лицо, говорили, что он прожил большую жизнь.

23 мая шестнадцатого года Поляков впервые попал на фронт, он прошел бои под Слуцком и Пинском, прослужил в девяти полках русской армии, а в восемнадцатом году приехал домой на побывку. Выехал в поле косить рожь, только объехал один круг, приходит отец:

— Кончай, сынок, косить, — воевать надо.

И пошел Иван Поляков защищать Царицын. Вступив в ряды десятого по счету полка — второго Царицынского, он пережил все тяжелые дни прошлой осады города. Называя Полякова отцом, молодые бойцы отдавали дань уважения старому бывалому солдату, участнику обороны Царицына. В это слово они включали и свою любовь к командиру, умевшему в самые тяжелые минуты боя успокоить, а то и развеселить людей.

Шутка сказать, двадцать четыре года прошло с тех дней! За это время много воды утекло в Волге, но По-

лякову кажется, что только вчера он был бойцом второго Царицынского полка, и двадцатичетырехлетнего перерыва в службе вроде и не было. Он сравнивает прошлые и нынешние дни, и многое напоминает ему восемнадцатый год: и огромной подковой стиснутый город, и холодный осенний ветер, и громовые раскаты артиллерии, и Волга у города такая же широкая, то иссиня-темная, то серая, похожая на гигантскую полосу стали, и кровь течет, как тогда...

Только не было тогда такого минометного огня, и «музыкантов», как прозвали бойцы немецкие пикировщики за их вой, не слышал он тогда тяжких, рвущих слух, разрывов авиабомб, не было и этих страшных пожаров и великих разрушений.

Полякову хорошо знакомы все места прошлых сражений, он знал город и окрестности. Еще бы: не было в городе почти ни одного нового дома, в котором бы он ни забивал гвозди, ни ставил рамы, двери. Искусный плотник, он гордился тем, что строил все основные цехи Тракторного завода и в награду за это получил две почетных грамоты. Он строил дома во всех уголках Сталинграда—на Балканах и Дар-горе, в Бекетовке и Ельшанке, «Малой Франции», на Верхнем и Нижнем поселках Тракторного. Весь город был для него одним гигантским домом, в котором он знал почти каждую комнату, каждый этаж. И вот теперь выпала ему доля воевать с немцами в своем родном доме.

Поляков был влюблен в свою гражданскую профессию и часто с увлечением рассказывал бойцам певучим говором о красоте плотничьего труда, о том, как радуется сердце, когда возводишь леса нового здания. Стоишь на лесах, смотришь вокруг — такая широта, такая свобода, видишь, как растет город, сколько настроили заводов, сколько насадили садов и парков. Волга

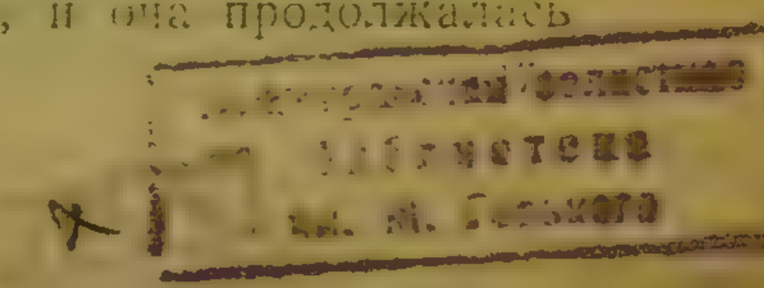
течет рядом — широкая, полноводная, светлая. Ничто не стесняет, не ограничивает взора...

— Плотницкое дело, — говорит командир миномета своим друзьям, — оно, ребята, везде и всегда пригодится: и на заводе, и в деревне, и на войне. Вот гнездо для миномета сделать, дот или блиндаж построить, лес нужно выбрать, крепления поставить — кто лучше плотника это сделает? Опять же плотнику и минометчиком стать не трудно: угол, расстояние определит, — для него дело пустяковое.

— Однако думается мне, — заключал минометчик, — на войне любая гражданская профессия пригодится. Вот разве Савину нашему пока нечего делать, — он стекольщик, стекло здесь, в Сталинграде, покаветагачить, мне думается, вовсе не к чему.

Своих минометчиков он знал по их прежним профессиям и нередко называл заряжающего Игнатова слесарем, подносчика мин Курдюкова обрубщиком, стрелка Юнкина — арматурщиком. Вообще на войну он смотрел как на тяжелую работу: она требовала много труда, умения и сметки. Часто нужно было перетаскивать с позиции на позицию тяжелый ствол и опорную плиту миномета, ящики с минами.

Днем подносить мины с пристани на огневые позиции было почти невозможно — это стоило слишком многих жертв. Мины поэтому запасали ночью. На день боевой работы нужно было не менее ста мин. Поляков запасал сто пятьдесят — двести. Его звали жадным, но жадность эта была оправдана: по опыту он знал, что следующий день будет горячий, мин может нехватить и придется тогда носить их засветло под огнем противника, а это будет стоить лишней крови. Люди таскали мины почти всю ночь, валились с ног от усталости, спать приходилось не больше трех часов в сутки, а с утра начиналась боевая горячка, и она продолжалась

до темноты, но никто не жаловался на усталость, все понимали, что иначе нельзя.

Иногда в бою Полякову казалось, что он находится на строительной площадке, где тучи пыли, оглушительный грохот железа, скрежет камнедробилок и шорох бетономешалок. Но это была не стройка, это было разрушение.

Ни в одном расчете не было такого прочного и уютного блиндажа, как в расчете Полякова. Вырытый на склоне широкого отлогого оврага с толстым настилом в четыре наката, блиндаж был хорошим и почти безопасным укрытием от немецких мин и бомб и удобным минометным гнездом. На дверях блиндажа «отец» приклеил вырезку из газеты с очень понравившимися ему словами Суворова: «Бей неприятеля, не щадя ни его, ни самого себя, дерись зло, дерись до смерти — побеждает тот, кто меньше себя жалеет». В минуту затишья в блиндаже собирались бойцы, им было любопытно послушать старого солдата, много повидавшего на своем веку. Поляков был для них живой историей царицынской обороны, живой биографией города, который они защищали. «Отец» показывал им места прошлых боев, рассказывал, как отбивали они тогда атаки красновцев, как туго было с патронами и снарядами, как приехал Сталин и с ним защитники города почувствовали себя вдесятеро сильнее.

— А Сталина видеть не доводилось? — спрашивал Полякова кто-нибудь из минометчиков, жадно слушавших его рассказ.

— Не хвалюсь, ребята, Сталина видел издальки, а говорить не довелось, а видать — видел его не раз — и в городе, и на позициях. С Колей Рудневым и с Пархоменкой приходилось разговаривать.

Пастух из с. Верхней Ахтубы, потом матрос и рулевой на волжском пароходе, молодой Поляков

стал кавалеристом и дрался за советскую власть со всей страстью своей души. А душа волжанина — широкая, отважная. «Был я тогда горячий, — говорит он, — все для меня было — ветер в зад». После он строил город с таким же азартом, с каким оборонял его. Он рассказывает, как жил в Сталинграде до войны: работал бригадиром на «Красном Октябре», зарабатывал неплохо, имел свой домик, вишневый сад. Росли дети: старший сын Юрий учился в тракторном техникуме, дочь Таисия — в химическом. Город его, Полякова город, рос, как в сказке. Чорт возьми, — такую жизнь стоило завоевывать тогда, четверть века назад, и, тем более, драться за нее теперь!

Страстный патриот родного города, Поляков знал его историю, гордился его славой. Он записывал в свою тетрадку имена героев-земляков — летчиков Каменщикова, Здоровцева, Красноюрченко, подводника Лисина и со сдержанным восхищеньем говорил:

— Нашей, сталинградской породы люди. Сталинградцы, они, ребятушки, всюду свою марку держат...

Он был доволен, что минометы в батарее были свои, сталинградские, и мины тоже сделаны на родном заводе, и большинство бойцов его батареи были земляками—баррикадцами, тракторозаводцами, краснооктябрьцами. Вот оно, собралось в блиндаже все его войско — щуплый, с бледным лицом арматурщик Юнкин; веселый здоровяк-харьковчанин Четверик; дюжий старшина Токарев — тракторозаводский слесарь, казак Тормосиновской станицы, мастер на все руки; маленький сероглазый стекольщик Савин; черный, как цыган, слесарь Игнатов; рябоватый обрубщик Курдюков — все они честные, разумные парни, храбрые и дружные в бою, золотые минометчики. Они совсем недавно надели красноармейские шине-

ли, но за неимением пилоток ходили в гражданских кепках, и командир дивизиона называл их «рабочей гвардией», либо «штатскими». Но рабочая гвардия была обстреляна, действовала умело, и тяжелые минометы ее точно били по целям, обрушивая на врага убийственный навесный огонь пудовых мин. Многому молодые бойцы научились у командира расчета. Посмеиваясь, певучим голосом Поляков рассказывает, что лишь однажды его ребята оробели перед миной, и то не немецкой, а своей:

— Застряла она в стволе, не разорвалась. Ну, надо ее вытаскивать. Снял я ствол с опорной плиты, наклонил его и тихонько выталкиваю мину. Глянул на ребят, а они лежат, смотрят во все глаза на меня и только штаны у них сзади шевелятся... Вот, думаю, вроде не из робких ребята мои, немца не боятся, а от своей мины сробели. Вытащил я мину, зарядил сам, ну и отправил к немцу. Не пропала даром...

Через город — по дну глубокого оврага пробирается к Волге маленькая речка Царица. У устья ее, на склоне оврага, стоял деревянный павильон, известный в городе под именем «Китайского ресторана». Сюда, бывало, по воскресеньям Поляков заходил иногда выпить кружку, другую пива. Теперь здесь расположилась батарея. Третий день минометчики не меняли огневой позиции. Немцы уже обнаружили их и засыпали овраг минами, били с воздуха. Но менять огневую позицию было нельзя. Слева были немцы, позади — Волга, а вылезти из оврага на асфальтовую дорогу, на ровную площадь справа значило погубить минометы. Приходилось сидеть на месте. Прилетели «музыканты» и сбросили несколько десятков бомб. Загорелись баржи на берегу. Столб густого дыма вырос над гребнем оврага и поднялся

высоко в небо. Но минометчикам некогда было смотреть на пожар...

— Прицел восемь, угол сорок два, — кричал Полякову по телефону младший лейтенант Моторин.

Батарея вела огонь по наступающей пехоте противника. Поляков установил прицел, заряжающий уже держал пудового «поросенка» над стволом. Через мгновенье «поросенок» с визгом полетел за линию железной дороги, туда, откуда наступали немцы. Цель была невидима, но Поляков, знающий город, почти всегда безошибочно определял место, где разорвется его мина. После двух часов непрерывной стрельбы, когда атака немцев в районе центра города была отбита, минометчики перенесли огонь на Дар-гору, где немцы накапливались для атаки. По месту скопления врага дали три десятка выстрелов

— Мост через овраг знаешь? — спрашивает Полякова по телефону младший лейтенант Моторин.

— Знаю.

— Разбить мост!

Поляков определяет расстояние, угол и дает по мосту несколько выстрелов.

— Хватит! — довольный, звонит по телефону Моторин.

Поляков радостно возбужден — хорошо, когда знаешь, что твои снаряды падают в цель.

— Прибавьте огонька! — кричит в телефон командир стрелкового батальона, и минометчики опять открывают сосредоточенный огонь по городскому саду, в который ворвались немцы.

А цели становятся все ближе. Поляков ставит прицел уже не на два — три километра, а на 400 — 500 метров. Цели уже можно видеть простым, невооруженным глазом.

— Видишь, большой белый дом у элеватора? —

спрашивает Моторин. — За ним дом под красной крышей. Бей по красному дому, там автоматчики и орудие немецкое. Целься лучше, наши жалуются, пушка эта житья не дает.

Как же плотнику Полякову не знать красного дома у элеватора. Два года назад он строил этот дом. И кто поймет сердце строителя, которому приходится обстреливать, разрушать дом, построенный им самим? Но в доме был враг и некогда было раздумывать и жалеть. Поляков особенно тщательно определил расстояние, поставил прицел, сам зарядил орудие и выругался, когда первая мина перелетела. Вторая мина — недолет.

— Ну, уж теперь дудки, — сердито сказал он, обругав самого себя.

И третья мина точно угодила в дом под красной крышей. Оттуда повалил дым.

— Вот так, — удовлетворенно сказал бывший плотник. — Похоронили немцев. Такая судьба, ребятушки, выпала мне, — я же дом этот строил и мне же пришлось немцев в нем хоронить.

Все гуще становился вражеский огонь. Даже привыкшие ко всему минометчики невольно прижимались к земле, наклоняли головы. Поляков сердился.

— Эй, минометчик, — кричал он, — ты что перед какой-то дурацкой миной головой наклоняешься?

— Да уж больно густо, товарищ командир, — оправдывался тот.

— А ты все-таки не так низко кланяйся, не имей такой привычки.

Батарея тяжелых минометов в овраге стала для немцев бельмом на глазу. Решив подавить ее, немцы били по оврагу из нескольких орудий и минометов. Один за другим выбывали из строя минометчики со-

седних расчетов. За свой долгий солдатский век Поляков видел десятки смертей, но каждый раз гибель товарища волновала. оставляла на сердце глубокую трещину. Он с горечью отметил смерть Лушникова — командира соседнего расчета, баррикадского слесаря: его похоронили рано утром тут же, на склоне оврага, рядом с Григорием Гудковым — баррикадским токарем. Потом погиб от смертельной раны баррикадец Федор Кабанов, — осколок пробил ему грудь, он полчаса дышал, и светлая. розовая кровь пузырилась у него на губах. Ранен старшина Токарев — лучший минометчик, он не захотел уходить за Волгу, и, перевязав рану, сказал: «Я еще могу драться».

Немцы подходили все ближе к оврагу. Мины кончились, и командир батареи получил приказ переправить часть минометов на остров. У Полякова было еще полсотни мин и он со своим расчетом остался на месте. Около часа продолжал он стрельбу по скоплениям пехоты противника. Авангардные группы немецких автоматчиков вышли на дно оврага и почти вплотную подходили к блиндажу Полякова.

— Немцы подходят, — тревожным голосом крикнул Полякову Юнкин.

—Ну, что ж, — спокойно отозвался тот, — будем принимать гостей. Готовь, Юнкин, ужин . . .

Спокойствие Полякова передалось другим. Четверо минометчиков хладнокровно продолжали обстрел заданных целей, шестеро других отстреливались от немцев из винтовок· Попытка врага вывести из строя расчеты тяжелых минометов не удалась.

Поляков с довольным видом оглядывал свое «войско» — оно было и артиллерией и пехотой одновременно.

Под вечер командир дивизиона приказал Полякову взять двух бойцов и съездить на завод за минами. Ехать нужно было почти через весь город. Поляков

сидел в кабине рядом с шофером и смотрел на уже виденные, но каждый раз с новой силой потрясающие его страшные картины обезображенного города. Каждая улица была ему знакома. Он больше, чем другие, знал, как много труда вложено в постройку этих домов и заводов. Вот обгорелый четырехэтажный дом инженеров, разбитый прямым попаданием «пятисотки». Поляков вспомнил, с какой торопливостью строили они этот дом. Подъемников не было, строители на себе таскали балки и стропила, уставали, как черти, но были довольны, что за два месяца отгрохали такой домище...

Он смотрел вокруг и думал о войне, которая шла сейчас в новеньких, недавно настроенных домах, в квартирах сталинградских инженеров и рабочих, в дворах, обсаженных вишней и кленом, в оврагах и парках, которыми щедро богат город, на широких площадях и дорогах, залитых асфальтом, отполированных колесами машин, на песчаных улицах города. Поляков смотрел и думал, сколько богатства гибнет, сколько расходу приходится делать на немца...

Был ясный день, но над городом висели тучи дыма от пожаров. Уже два месяца дым застилал сталинградское небо. Проезжая по набережной мимо памятника Хользунова, старый минометчик отцовски-любовно оглядел богатырскую фигуру земляка-героя, воронки вокруг памятника и обрадованно подумал: «Стоишь, сынок? Ну и мы стоим»...

Но чем ближе подъезжал Поляков к заводу, тем тоскливее становилось на душе. Вот и родная улица Айвазовского. Еще несколько домов, и он увидит свой домик... Минометчик отвернулся.

—Поедем по Гранитной,— задыхаясь от волнения, сказал он шоферу.

Тот удивленно посмотрел на него и послушно повернул на Гранитную. Поляков вспомнил ту ночь, когда немецкая бомба разрушила его домик. Он спал в маленьком вишневом саду вместе со старшим сыном, а жену и двух меньших сыновей проводил спать в погреб. Ночью, когда началась тревога, плотник разбудил сына:

— Юрий, идем в погреб.

Сын натянул на себя одеяло и недовольно пробурчал:

— Ты загонял меня, отец, в погреб, да в погреб...

В эту минуту над головой засвистело и бомба со страшной силой разорвалась рядом, оглушив их. Взрывная волна отбросила обоих к изгороди.

— Папа, — закричал он, — флигеля нашего нет...

Домика и в самом деле не было. Бомба разнесла его в щепки, разметала. Утром плотник нашел под кроватью семейную фотографию, спрятал ее в карман и пошел на завод. Внутри у него все кипело.

В тот же день Поляков ушел на фронт вместе с сотнями заводских, тех, кто был обучен военному делу. В городе им вручили винтовки. Он взял винтовку, проверил ее — все в порядке. Он мог владеть ею так же умело, как топором и рубанком. Потом он стал минометчиком и у кладбища, где второй Царицынский полк отбивал атаки красновцев, бывший боец этого полка Иван Поляков дал первые выстрелы из тяжелого миномета. Человек практический, он сразу оценил грозную силу своего оружия, силу его навесного огня и уже теперь не сменял бы профессию минометчика ни на какую другую.

Пока грузили машину, Поляков побежал к приятелю — машинисту Мещерякову — узнать, где его семья. На углу Гранитной он встретил смуглого, босого

мальчугана, который тащил за плечами мешок. Поляков узнал в мальчике сына машиниста.

— Куда ты, Толя? — спросил он мальчика.

— За Волгу, — ответил тот и, видя, что минометчик смотрит на его босые ноги, неловко улыбнулся и сказал: — сгорели мои сапоги, дядя Ваня.

—А отец где?

Мальчик наклонил голову. Видно было, что он напрягает все силы, чтобы не расплакаться. Но когда он поднял голову, Поляков увидел на щеках его крупные слезы.

— Убило отца. Дома. Прямым попаданием, — хрипло выговорил мальчуган и отвернулся.

Минометчик погладил малыша по голове и тот несмело прижался к нему.

— Ничего, Толя, — сказал старый солдат, — не плачь. Мы им отплатим.

Чем и как он еще мог утешить мальчика? Подошла маленькая сухая старуха, она тащила на спине огромный узел. Положила узел на землю и, утирая ладонью пот с лица, заговорила:

— Сжег меня немец, Иван Семенович. Сидела в доме, не хотела уходить за Волгу. Угол-то свой, понимаешь сам, бросать жалко. А сейчас одни уголечки остались от дома. Вот и все имение мое. — Старуха с ожесточением толкнула ногой свой узел. — А твои уехали за Волгу, видела их.

Попрощавшись, она взвалила на спину большой, вдвое больше ее узел, и они пошли вдвоем — осиротевший мальчик и бездомная старуха. Минометчик проводил их долгим взглядом, затем перевел задумчивые глаза на разрушенные улицы поселка. Вспомнив, что его ждут, он быстро пошел к машине. Всю дорогу он торопил шофера, его нетерпеливая душа жаж-

дала одного — бить немца, — бить за Мещерякова, за слезы его сына, за уголечки сожженного дома соседской старухи, за свой разрушенный дом, за весь разможженный, но еще более дорогой ему Сталинград. Он вспомнил, как несколько дней назад поймали они немку-снайпера, и минометчики хотели отлупить ее шомполом, но он не разрешил этого, посадил немку в лодку и переправил на другой берег. Сейчас он почти жалел, что остановил тогда своих минометчиков. Надо бы ей, этой проклятой немке, надавать горячих...

Поздно вечером Поляков доставил мины на огневую позицию. Он не спал уже двое суток, но не мог уснуть. Он ворочался, вспоминал свою поездку на завод, думал о семье, сыновьях и дочери, о жене, о погибшем домике. Потом мысли заняло другое — сколько же времени надо, чтобы залечить раны города, заново отстроить его?

— Лишь бы материалы были, мы бы за два-три года отстроили город. Правда, Юнкин?

—Спи, беспокойный, скоро рассвет, утром опять драчка будет.

Поляков повернулся к стене и скоро заснул крепким сном усталого человека. Ему снилось, что его минометчики стали строителями, и они артелью строят новый дом на поселке «Красного Октября». Дом уже почти готов, они ставят плинтусы, рамы, двери; штукатуры и маляры нетерпеливо ждут, когда плотники освободят им место.

— Всем хватит работы, — бормочет во сне «отец», — и плотникам, и Савину...

Занимается мутный рассвет... Веет холодком с Волги. Юнкин снимает с себя ватник и заботливо накрывает им командира расчета.

Сталинград, октябрь 1942 г.

НА МОКРОЙ МЕЧЕТКЕ

Ночью мы подъехали к переправе у Лебяжьей поляны, оставили машину в лесу и пешком пошли к берегу.

Ночь безлунная, темная, но страшное зарево горящего города освещает Волгу, над которой зловеще ползут косматые клубы дыма.

В берег вгрызаются взрывы снарядов и мин, красные нити трассирующих пуль несутся в небо, словно искры от невидимого костра. Немецкие прожекторы судорожно ощупывают облака, скользят по черной волжской воде, бесконечно длинным стенам цехов с выбитыми стеклами, паровозам, недвижно висящим в пролетах кранам.

На перевозе трое рабочих-водников в красноармейских пилотках ожидают прихода катера. Неподалеку рвутся мины. Водники приглашают нас в землянку, выкопанную в песке, в которой можно, притиснувшись друг к другу, переждать огневой налет немецких минометов.

Вскоре ветер доносит тихий стук мотора, и через несколько минут к берегу подходит катер. Через палубу большого полуобгорелого и разбитого парохода через обломки железа мы пробираемся к катеру, сходим в потемках вниз в каюту капитана. Катер отчаливает. Огонь зажигать нельзя. Сидим в темноте, слышим стук мотора и плеск воды, да глухие раскаты орудийных выстрелов и свист мин. Нестерпимо хочет-

ся спать. В полудремоте проходит полчаса. Подъезжаем к острову Спорному. Поднимаемся на такой же разбитый пароход, по которому идем, как по кладбищу, и дальше песками — километра три через остров.

Десятки женщин с детьми сидят на узлах. Что они делают здесь, почему не уезжают на левый берег Волги? Они не хотят уходить от родного города, отвечает нам пожилая женщина. Говорят, что немцев скоро отгонят и можно будет вернуться домой. Но где теперь их дом? В городе свирепствует огонь пожаров, в которых гибнут целые улицы и кварталы. Все равно, говорит женщина, пусть все сгорело, но только бы отогнать врага...

В темноте плачут дети. Матери укрывают их одеялами, платками и тоже плачут.

На войне нет ничего страшнее, чем эти беженцы с узлами домашнего скарба, беззащитные, мечущиеся, не знающие, какое принять решение: то ли уходить дальше от линии фронта, то ли оставаться на родном, издавна насиженном месте. Остров Спорный сейчас стал островом плача и скорби...

Мы пересекаем остров и подходим к мостику через Волжанку, наведенному несколько дней назад. Узкий деревянный мостик держится на якорях и бочках. Когда встречается несколько человек, мостик погружается, и вода поднимается выше колен.

Выбравшись на берег, мы идем по тропинке, карабкаемся через горы железного лома, мимо глубоких черных ям, вырытых фугасками.

Густо ложится шрапнель, осколки летят в землянки и блиндажи, пробивают лодки, в которых отдыхают уставшие бойцы. Мы падаем в канаву. Рядом рвется шрапнель. Две лошади, запрокинув головы,

храпят и в глазах смертельно раненых животных такая же тоска, какую не раз приходилось видеть у людей. Красноармеец с оторванной до колена ногой кричит: «Доктора, доктора!» Из темноты появляются санитары. Они поднимают раненого и на белых, через плечо, ремнях несут в блиндаж.

Чуть брезжит рассвет. Немцы усиливают артиллерийский и минометный огонь. Затем канонада стихает, и через несколько мгновений передний край оглашается частой дробью автоматных и пулеметных очередей, взрывами гранат. Начинается атака...

И так каждый день, по нескольку раз в день.

С восхода и до захода солнца неистовствуют немцы, стараясь пробиться на участке северных заводов к Волге. Это какое-то страшное методическое битие огромного молота по наковальне, молота, который сокрушает дома, превращая их в камни, рушит целые кварталы, заводы. Тяжелые, рвущие слух взрывы бомб. Пронзительный вой сирен, установленных на пикировщиках. Грохот снарядов. Треск пулеметов. Пламя огромных пожарищ. Высокие, черные столбы дыма.

Кажется, в этом аду уже не может оставаться ничто живое.

Но нет, жизнь не ушла отсюда!

Сталинградское войско стоит здесь, упираясь в берег Волги, за железо-бетонными стенами полуразрушенных цехов, за заводскими обвалившимися конструкциями, за станками, колесами вагонов и паровозов. Отступать отсюда некуда, сталинградцы и не думают отступать.

* * *

На северной окраине Сталинграда, на Мокрой Ме-

четке оборону держала группа войск полковника Горохова.

Сталинград, растянувшийся вдоль Волги на 60 километров, не представляет собой цепи густо застроенных улиц. Между заводами и рабочими поселками к югу и к северу от центра города встречаются пустыри длиной в несколько сот метров. Эти интервалы между заводами и поселками почти не заселены и часто становились местами наиболее сильного нажима противника, ареной самых ожесточенных боев.

В конце августа и начале сентября на Мокрой Мечетке, прикрывавшей подступы к Тракторному заводу, развернулись тяжелые кровавые бои. Три месяца группа войск Горохова, сжатая с трех сторон, отражала ожесточенный натиск немцев.

— Три месяца... — когда Горохов, ставший ныне генералом, говорит о них, лицо его становится задумчивым и суровым. — Три месяца... Иногда кажется, что они пролетели, как день, а иногда — будто они тянулись целую вечность.

Генерал Горохов — плотный, коренастый мужчина средних лет, с черными седеющими волосами и живыми добрыми глазами на крупном смуглом лице. Густое полукружье бровей придает его лицу несколько суровое выражение. Он — туляк, окончил земское училище в деревне. Четырнадцатилетним мальчиком уехал в Петроград к отцу, извозчику, там поступил работать на завод Гусева, изготовляющий искусственные воды, лимонады, сиропы. В пятнадцатом году поступил на завод Рено в артиллерийский цех. Ставил клейма на шрапнельные головки. Потом служба в армии на Южном фронте, учеба на пулеметных курсах в Севастополе, все ступени военной лестницы: помощник командира взвода, комвзвода и т. д. Перед Оте-

чественной войной он был начальником штаба дивизии.

22 июня 1941 года немцы обстреляли штаб дивизии, казармы, квартиру Горохова, которая находилась в 700 метрах от реки Сан. 22 июня немцы ворвались в город Перемышль. На другой день дивизия выбила немцев из города и семь дней удерживала его за собой.

Через месяц после начала войны полковник Горохов получил орден Красного Знамени за Перемышль.

Потом бой под Уманью, окружение, в котором Горохов научился многому и хорошо узнал противника.

— Окружение не так уж страшно, — говорит генерал. — Страшна не смерть, а неизвестность, где ты погиб: ни семья не знает, ни армия... После, когда я был в Сталинграде в окружении на «пятачке», севернее Тракторного завода, я плевал на немцев. Окружение на меня уже не действовало так, как оно действовало на необстрелянных людей.

Я попросил генерала Горохова рассказать о боях его группы войск на Мокрой Мечетке. Эти сражения, полные героической самоотверженности и мужества, являют одну из самых ярких страниц в истории Сталинградской битвы. Просто, скупым языком, присущим многим военным, генерал Горохов рассказал мне об этих боях.

— 12 августа 1942 года я получил приказ двинуть свою бригаду на Сталинградский фронт. Из Приуралья до Сталинграда мы ехали пятнадцать дней. В ночь с 27-го на 28-е августа прибыли в Красную Слободу, сосредоточились. Переправу дали в мое распоряжение, и я, приказав оцепить слободу, начал переправлять батальоны в город. С первым же паромом перебрался на правый берег, направился в штаб фронта. Отыскал его в тоннеле на реке Царице. Вхожу в

тоннель. Темно, ничего не вижу. Кое-как с помощью часовых добрался до комнаты командующего фронтом генерала Еременко. Он сидел в расстегнутом кителе, раненую ногу положил на табуретку. В нескольких словах он познакомил меня с обстановкой.

— Обстановка, — говорит, — прямо скажу, неважная. Немцев сдерживаем на Дону, но сдержать вряд ли удастся. Плохо на участке северо-западнее города и еще хуже южнее. Вас посылаем на юг, в Бекетовку, переправляйтесь завтра.

— Не успею, товарищ командующий, — говорю ему.

— Успей, полковник, — отвечает он мне, — успеешь, молодцом будешь.

Высадились мы на центральной пристани и двинулись на юг. Только сосредоточились, получаю приказ двигаться на север. Видно, там дела ухудшились. Но с юга на север ни много, ни мало — шестьдесят километров! Поехал я опять в штаб фронта. Мне уже передали, что Еременко разыскивает меня. Еременко встретил приветливо, как старого знакомого. В комнате сидели товарищи Василевский и Хрущев. Еременко говорит: «Продвигайся к Донскому фронту. У полковника Сараева там один полк. Он тебе поможет». В это время Еременко позвонили. Василевский отозвал меня в угол, чтобы не мешать командующему говорить по телефону, и сказал:

—Приедешь на место, сам поймешь положение. Командующему пока кое-что неясно, так что разберись сам и сам же принимай на месте меры, какие сочтешь нужными...

На месте, действительно, оказалось много нового. На следующий день утром приезжаю опять в штаб фронта за уточнениями. В кабинете Еременко товари-

щи Маленков, Хрущев, Василевский. Мне ставят задачу очистить от немцев Спартановку и Рынок.

Мои ребята в это время ускоренным маршем двигались с юга на север. Я вместе с полковником Сараевым и командиром танковой бригады подполковником Житневым выехал на рекогносцировку на Южный поселок Тракторного завода. Полк Глущенко стоял на Мечетке. Противник занял Рынок и совхоз Лоташинку. Часть Спартановки была нашей. Место мне не понравилось — все командные высоты были у немцев, а наши укрепления, построенные здесь, тоже заняты противником.

Созвал командиров. Отдал приказ об атаке. У меня три батальона, полк Глущенко из дивизии Сараева и танковая бригада. В 10 часов утра начали атаку. К вечеру очистили Спартановку и Рынок. Этот, занятый мною с боя, рубеж я так и не отдал немцам, удерживая его весь период боев.

1 сентября мне подчинили бригаду полковника Болвинова, группу бронекатеров и две канонерских лодки под командой капитана Лысенко, маленький отряд морской пехоты, который я влил в полк Глущенко, и танковую бригаду. Вместе с моей бригадой все это составляло «северную группу Горохова».

В первых числах сентября к городу подошла отступавшая от Дона 62-я армия. Командный пункт ее был вначале в центре города, затем на Мамаевом кургане, потом на берегу Волги.

Сентябрь прошел сравнительно спокойно. Были атаки противника, но небольшими силами. Мой наблюдательный пункт находился на Нижнем поселке Тракторного завода, на пятом этаже жилого дома. Мы сидели в мягких пружинных креслах и рассматривали в бинокль позиции противника. Потом такой уютный наблюдательный пункт пришлось сменить...

Мы старались не только отбиваться от наседающего врага, но и сами атаковать его.

Первый батальон бригады и полк Глущенко часто предпринимали контратаки. Полк Глущенко стоял фронтом на север, батальон капитана Цибулина фронтом на запад. Устье Мокрой Мечетки оставалось за ними, а верховье я нейтрализовал огнем. За высоту 67 капитан Цибулин первым в Красной Армии получил орден Александра Невского. Немцы несколько раз яростно лезли на него, но Цибулин как стал на своих позициях, так и не ушел с них.

В сентябре немцы беспокоили нас большей частью со стороны Лоташинки, часто бомбили поселок Горный и сожгли его. В октябре, когда немцы заняли Тракторный завод, моя северная группа оказалась совсем на маленьком «пятачке» — три километра в длину и два километра в ширину, который противнику легко было простреливать и вдоль и поперек.

Связываться со штабом армии мне можно было только через левый берег. Связь со штабом фронта тоже была неважная.

В это время навели мы переправу через Волгу. Строили ее саперы под руководством капитана Пичугина. Это был энергичный, умный командир, адъюнкт академии, побывавший за границей. Он погиб на Волге в октябре, и мы так и не нашли его трупа.

Помню, вызвал я Пичугина и приказал ему строить мост. Он говорит:

— Нельзя.

— Почему нельзя? — спрашиваю.

— Нет, —говорит,—в инженерной практике постройки деревянного моста через такую большую реку, как Волга.

Я напомнил ему «Хлеб» Толстого, как строила армия Ворошилова мост через Дон.

— Назначаю тебе, говорю, срок пять дней.

— Не могу, товарищ полковник, — отвечает он.

А я вроде не слышу его ответа и повторяю:

— Через пять дней . . .

И точно, через пять дней мост был построен.

Мост он соорудил удивительный—на бочках, прикрепленных тросами к якорям, а поверх бочек—деревянный настил. Во время непогоды вода катила через мост. Немало людей перекупалось в реке, но все-таки мост был как мост. Он нас спасал — каждую ночь мы получали боеприпасы, продовольствие.

10 октября немцы начали усиленно нажимать на мою группу. Вначале несколько огневых налетов, затем бомбежка высоты 97,7. Эта высота была для нас очень важна. Перейдя на эту высоту, противник получил бы возможность командовать Горным поселком и заходить в тыл нашей группе. Направление главного удара немцев шло в стык заводов Тракторного и «Баррикады». Удар проходил частично по левому флангу нашей группы. Пять дней мы вели тяжелые бои. Особенно большую роль сыграл в них дивизион 120 мм. минометов капитана Чурилова, которые сделали около тысячи выстрелов и подбили 12 вражеских танков. Но сил у нас было все же мало, и немцы ценою больших потерь овладели высотой и Горным поселком.

После этого наступили самые тяжелые дни — 16,17, 18,19 октября. Немцы заняли Тракторный завод и тридцать седьмая Гвардейская дивизия вынуждена была отойти на остров. Ко мне отошли части полковника Ермолкина, Андрусенко, 2-я мотострелковая бригада.

24-я немецкая пехотная дивизия стала нажимать на нас со стороны Тракторного завода. Правый фланг

ее двигался по берегу Волги, угрожая нам с четвертой стороны.

Самым тяжелым для нас был день 18 октября. Вражеская авиация страшно бомбила весь наш «пятачок». Мои ребята держались стойко. Но вот пробились танки немцев, и один батальон болвиновской бригады дрогнул. Я бросил все, что было у меня в резерве — саперов, автоматчиков, и привел в порядок отступавших. Они тоже были неплохие бойцы, но кое-кто растерялся и внес панику. Опять хорошо дрался минометный дивизион. Но потом, когда немцы прорвались в траншеи, минометы уже не могли действовать. Мы отстреливались из пулеметов, отбивались гранатами. А когда положение стало критическим, решили вызвать на себя огонь своих минометных батарей с левой стороны Волги. Таким образом отбили противника.

Бригаду Болвинова я вывел из Спартановки и прикрыл ею левый фланг. В Спартановке дрались за каждый метр в течение 9-ти дней. Немцы особенно яростно бомбили наши позиции у Волги. Около моего блиндажа убило пятерых человек. Их похоронили в моем блиндаже, а я перешел в другое место. Однако и здесь нам не пришлось находиться долго...

Вечером из батальона передали: немцы подходят к штабу группы. Приказываю: «Все командиры — в ружье». В четырехстах метрах от командного пункта несколько часов все штабные офицеры отбивали атаки немцев. Атаки отбили, но все же нам пришлось отойти.

Заградительному отряду я отдал приказание: без моего личного распоряжения никого не пускать на левый берег, независимо от звания. Назначил чрезвычайную комиссию по перевозкам. Если бойцы заградительного отряда обнаруживали симулянтов среди

раненых (повязка есть, а раны нет), они тут же на берегу их расстреливали. Но таких оказалось только трое.

На острове Спорном в то время стояли наши артиллерийские батареи. Артиллеристы хорошо поддерживали нас, хотя им самим приходилось очень трудно: огневые позиции были замаскированы, но их можно было обнаружить с воздуха. Оборудовать ложные позиции было нельзя, так как для них нехватало места. Все-таки артиллеристы действовали великолепно.

Чтобы облегчить положение нашей группы, штаб фронта решил высадить с Волги десант. Десант под командой старшего лейтенанта Сокова почти весь погиб, однако он оттянул на себя часть сил неприятеля, атаковавших нас.

Каждую ночь прилетали на помощь наши «огородники». Они сбрасывали нам на парашютах боеприпасы и продовольствие и бомбили передний край немецких позиций. Свой передний край мы обозначали огнем, разводимым в окопах. Однажды командир роты Хренов опоздал зажечь огонь. Пилот, спустившись вниз на 15—20 метров от земли, кричал ему: «Что же ты, Хрен, лампочки не зажигаешь?»

Людей погибло в эти дни много, командиров и красноармейцев, хороших людей. Хоронили их тут же, на берегу. Очень горевали все мы о Пичугине, погибшем на Волге, на построенной им переправе, о враче Федоровой.

Чаще всего нас выручал командир катеров Лысенко. О нем я, пожалуй, горевал больше, чем о других. Он умер от ран и его похоронили вместе с другими моряками где-то близ Ахтубы.

Он о нас беспокоился, да и было отчего. Помню, какая-то умная голова сообщила в штаб фронта, что немцы прошли по мосту на остров Зайцевский, и Го-

рохов, мол, обстреливается противником с четырех сторон. Вышел я со своим заместителем Грековым на берег. Утро чудесное Солнце. Плес тихий. Волга такая синяя. Смотрим, стоят два катера. Что за оказия, — думаю, — чего они повылезали, ведь их же сейчас немцы обстреляют. После оказалось, что Лысенко прислал разведать, живы ли мы, действительно ли немцы обошли нас. Один из катеров застрял на мели. Другой пошел ему на выручку. Я приказал нашей артиллерии немедленно открыть огонь, прикрыть катера. Весь день мы прикрывали моряков огнем, а ночью сняли. С тех пор у нас дружба стала еще крепче. Для поддержки моей группы они должны были давать по немцам один залп «катюш» по Лоташинке и Буграм, а давали два залпа, бронекатера подходили близко к берегу и били, канонерские лодки из 100 мм. орудий стреляли из-за острова. Лысенко шутил: «Артиллеристы так любят Горохова, что размолотили стволы». От частой стрельбы стволы действительно перегревались.

В октябре нередко случались дни, когда нельзя было буквально носа высунуть из блиндажа. Пошли мы раз с Грековым в баню у Волги. Вымылись, только оделись, отошли три шага и наша баня взлетела на воздух — прямое попадание снаряда.

Однажды сидели мы у входа в блиндаж, закуривали. Рядом упала бомба. Нас засыпало землей, но все обошлось благополучно—даже никого не ранило. Только с адъютантом Болвинова произошла беда. В кармане у него была бутылка с водкой, кусок доски разбил ее, и осколки изранили всю ногу.

Крепкой поддержкой нам были тракторозаводские рабочие-коммунисты. С секретарем райкома партии Дмитрием Приходько у меня были самые товарищеские отношения. Он часто приезжал ко мне. Я, в свою

очередь, постоянно держал его в курсе боевой обстановки. Тракторозаводские рабочие дали мне без наряда одиннадцать танков — два своих собственных заводских и девять за счет снабжения, еще дали двенадцать тракторов, не один десяток минометов и танковых пулеметов. Кроме того, они в бригаду влили свыше тысячи рабочих завода, которые стали великолепными бойцами, служили примером другим.

В эти тяжелые октябрьские дни я боялся больше всего не за свой участок фронта, а за соседей. Левый фланг и тыл нашей группы после занятия немцами Тракторного завода были открыты. Заново надо было устраивать все: укрепления, оборону. Причем время для этого исчислялось буквально часами и минутами.

В конце октября наступило некоторое затишье. Наконец-то появилась возможность хоть немного передохнуть. Почти весь месяц люди спали урывками, не раздеваясь. Теперь стали снимать на ночь либо брюки, либо гимнастерку. Но затишье длилось недолго.

2-го ноября сражение началось с новой силой. Немцы, видимо, рассчитывали теперь смять нас, подавить мощью огня. В 7 часов утра, после остервенелого огневого налета артиллерии и минометов, началась бомбежка, которая продолжалась десять часов подряд. Лишь изредка на 10—15 минут открывались в небе «окна».

Немцы бомбардировали все участки нашей обороны, стремясь парализовать систему управления, подавить огневые средства. Положение создалось чрезвычайно напряженное. Я послал шифровку в штаб фронта: «Дайте самолеты». Прислали всего пять. После бомбежки немцы пошли в атаку. Мы отбили ее.

В этот день погиб Болвинов. Прямым попаданием

бомбы был разбит его блиндаж. Вместе с Болвиновым погибли лейтенант Стоганов и майор Николаев и еще несколько боевых друзей.

Через день вновь бомбежка и свирепый артиллерийский обстрел. Но повторять атаки противник не решился. Потом — несколько спокойных ночей и затем 17 ноября — опять атака с артиллерийской подготовкой. На рубеже батальона Ткаленко появились шестнадцать немецких танков и два пехотных полка. Бой продолжался весь день. Отдельные танки прорвались к Волге. В бой вступили все наши повара, писари, бойцы тыловых служб. В густом тумане слышались крики «ура» справа и слева, но ничего не было видно.

Я бросил в бой последнее, что у меня оставалось — 150 автоматчиков и столько же саперов, и мы сумели отбросить немцев к северу от Рынка.

Положение моей группы осложнялось еще и тем, что в ноябре ухудшилось наше сообщение с левым берегом Волги. По реке шел лед, бронекатера уже не могли пробиться, поэтому подвоз продовольствия сократился. Пришлось уменьшить паек. Хлеба стали выдавать по 500 граммов. Мяса решили совсем не возить, а довольствоваться оставшимися на заводе и в бригаде лошадьми. Самолеты сбрасывали на парашютах продовольствие и боеприпасы. Но мне не нравилось это, так как противник получал верный сигнал, что мы находимся в крайне бедственном положении, и он только усиливал нажим. Поэтому я попросил командование фронта не сбрасывать с самолетов нам ничего.

В эти трудные дни особенно ярко обнаружились изумительные качества наших людей — солдат и офицеров. Какой у нас народ! Все понимали, что положение нашей группы на «пятачке» очень шаткое, немцы

лезут как осатанелые, у нас же за спиной незамерзшая Волга, по которой ни пройти, ни проехать, продовольствия нехватает, с боеприпасами тоже нелегко. И все же никто не унывал, настроение у всех было боевое. Нередко бывали случаи, когда направленные на левый берег за Волгу раненые «дезертировали» оттуда и возвращались к нам. Они нередко переходили на правый берег под видом санитаров, добирались до кухни и, поев, направлялись в роту.

В середине ноября я уже знал, что готовится удар по немцам южнее города, и поэтому, хотя нам и тяжело было, успокаивал себя тем, что осталось держаться недолго. Между тем, командующий фронтом генерал Еременко беспокоился о другом. Ему казалось, что немцы обнаружили движение наших войск южнее Сталинграда и оттягивают свои силы с севера на юг. Несколько раз он вызывал меня по радио, спрашивал:

— Слушай, Горохов, у тебя 16-я или нет?

Я ему отвечал, что у меня, и просил, если он сомневается, прислать офицера, чтобы убедиться в этом. Если бы тот приехал, он перестал бы сомневаться. Даже в тот день, когда началось наше генеральное наступление южнее города, шестнадцатая немецкая дивизия все еще продолжала свои атаки. И лишь 21 ноября, когда наши войска прорвали оборону противника, шестнадцатая дивизия снялась, не успев даже убрать трупы своих солдат.

Вот так дрались и жили мы на Мокрой Мечетке. Сдружились все, родными стали — ведь ничто так не сближает, как общая борьба с врагом, и нет в мире более прочной, сердечной и искренней дружбы, как фронтовая дружба.

И когда 10 декабря я получил новое назначение на пост заместителя командующего армией, очень трудно было мне расставаться со своими боевыми товарищами. Весь день я ходил по ротам, прощался с бойцами, командирами. Потом собрались на берегу Волги. Обнялись, пожелали друг другу счастья.

...В тот день я впервые за три с лишним месяца переехал на левый берег Волги.

Сталинград, декабрь 1942 г.

НА ЮЖНЫХ ВЫСОТАХ

На скованной льдом Волге, по снежным степям правого берега гуляет яростный северо-восточный ветер и нет ему препятствий в открытой безлесной степи. Он обжигает лицо, проникает сквозь полушубок и валенки, поднимает на дороге тучи снежной пыли, застилающей горизонт, сметает снег и гонит его в балки.

Сравнительно теплая погода, стоявшая в первой половине декабря, во второй половине сменилась резким похолоданием. Ударили лютые морозы. Сурова в здешнем краю малоснежная зима. Даже жители севера, легко переносящие в своем краю морозы в 40-60 градусов, зябнут на ветру, лютом январском ветру волжских степей.

Дорога на юг от Сталинграда идет по заснеженной безлесной степи, по балкам и склонам высоких холмов.

По дороге идут пехотинцы. Почерневшие от ветра лица бойцов суровы — труден путь наступления по степным дорогам. Война в этих голых степях особенно тяжела.

Суровый климат степей требует от солдата много выдержки, усилий. Пленные гитлеровцы в один голос жалуются на невыносимые трудности степных боев. Плохо одетые, они мерзнут в открытом поле, многие отморозили руки и ноги. «Мы забыли, — говорят они, — когда умывались, так как воды нет даже для питья».

Внезапно погода меняется, все кругом застилает мгла. В эти часы тумана степь совсем напоминает безбрежное море и долго-долго плывешь по этому морю, прежде чем достигнешь берега.

С высот, южнее Сталинграда, хорошо просматривается на многие километры вся местность: на восток к Волге, на юг, на север. Таких высот возле Сталинграда всего две: одна в северо-западной части города — знаменитый Мамаев курган — место кровопролитных тяжелых боев с немцами, и еще эта «Южная» высота. Захваченная в свое время противником, она обеспечивала ему господство над всей южной частью города, не позволяла нашим частям наблюдать за немцами, скрывала подход немецких резервов.

Перед началом наступления наших войск южнее Сталинграда, командование поставило перед дивизией полковника Сафиуллина задачу — захватить «Южную» высоту и позиции противника к западу от нее. Заблаговременно велась усиленная разведка. Ночью накануне наступления наши саперы под пулеметным огнем противника проделали проходы в минных полях. Несмотря на большую трудность этого дела, саперный отряд военинженера 3-го ранга Осипова в срок выполнил задание.

Наступление началось в час дня. Авиация не могла действовать из-за плохой погоды. Ударили наши орудия. После пятиминутного огневого налета артиллерия полчаса методическим огнем подавляла заранее разведанные огневые точки.

От залпов наших батарей высоту заволокло клубами черного дыма. Степь дрожала от грома тяжелых орудий. Разрывая молочную муть тумана, летели огненно-красные стрелы «катюш».

А когда артиллерия на несколько минут смолкла и рассеялся дым, окутывавший высоту, неожиданно стало светлее, словно залпы батарей разогнали туман.

Прикрытые дымовой завесой, цепи пехоты двинулись в атаку, с хода ведя огонь из винтовок, автоматов и ручных пулеметов. В просветах между разрывами немцы пытались поднять головы, но огонь наших стрелков прижимал врага к земле, не давая ему возможности отстреливаться.

Первым ворвался на гребень батальон под командованием старшего лейтенанта Хачатурова. В траншеях и ходах сообщений на гребне и южных скатах закипели рукопашные схватки. Бойцы забрасывали немцев гранатами, кололи штыками, а подоспевшие танки давили дзоты и батареи, утюжили неглубокие окопы противника.

Схватка была короткой, ошеломляющей. Уже через двадцать минут полки дивизии Сафиуллина вышли на западные скаты высоты, преследуя остатки вражеского гарнизона. Но на левом фланге наши части были встречены сильным огнем с холма. Продвижение пехоты приостановилось. Тогда командир полка приказал одному батальону обойти немцев с севера и огнем легких пушек разбить уцелевшие вражеские дзоты.

Бой продолжался до темноты . Сбив неприятеля с холма, стрелки медленно продвигались и вышли на огневые позиции вражеской артиллерии. Рассеяв и частично перебив немецких артиллеристов, наши бойцы захватили пять исправных орудий, которые тотчас же были повернуты против их бывших хозяев.

Противник был сбит с «Южной» высоты, но не хотел примириться с ее потерей. На высоту двинулось 47 немецких танков. Выстроившись в одну линию, они открыли сильный огонь из пушек и пулеметов. Но тем

временем стемнело, и танки не решились двинуться дальше, стараясь лишь прикрыть отход своих частей. Полки, утомленные боем, не отдыхали: до утра окапывались, закрепляясь на высоте.

Едва стало рассветать, 20 немецких танков с пехотой атаковали некоторые наши подразделения. Их встретил сильный огонь бронебойщиков, стрелков и пулеметчиков, но немцы продолжали лезть вперед. Артиллеристы прямой наводкой били по вражеским танкам. Шесть машин было подбито. На флангах уже завязалась рукопашная схватка. Артиллерия усилила огонь по танкам и остановила их. Оставшись без поддержки танков, немецкая пехота ослабила темп атаки, и наши пехотинцы снова отбросили противника от занятых рубежей.

Через полчаса фашистские танки и пехота опять атаковали правый фланг части. При этом немцы сильно обстреливали огневые позиции наших противотанковых орудий, стараясь подавить их. Но и эта вторая атака немцев тоже была отбита. Плотный огонь наших стрелков и пулеметчиков нанес большие потери вражеской пехоте, и когда танки подошли на 200—300 метров, за ними следовали лишь жалкие горсточки пехотинцев.

Видимо, поэтому третью атаку немцы начали втрое большими силами пехоты под прикрытием тридцати танков. Потеряв еще шесть танков и более сотни человек убитыми, они отошли.

К полудню немцы, уже погубившие на подступах к высоте 13 танков, несколько сот солдат и офицеров, произвели перегруппировку и в полдень начали атаку с фронта и на флангах еще более крупными силами.

Семьдесят танков, развернувшись в линию, приблизились к западным скатам высоты и с места открыли огонь из пушек и пулеметов. Прикрываясь этим

огнем, в атаку двинулось более двух полков немецкой пехоты. После тяжелого боя правый фланг не выдержал натиска немцев и начал медленно отходить. Угрожающее положение создалось и на левом фланге, где действовала обходная группа немецкой пехоты с пятью танками. Несмотря на яростное сопротивление наших бойцов, немцам удалось вклиниться и занять соседний холм. Создалась прямая угроза захвата высоты противником.

Тогда командир левофлангового полка майор Давиденко отдал приказ о контратаке. Сильным ударом его бойцы отбросили противника и восстановили свои позиции.

Немцы ввели в бой несколько батарей шестиствольных минометов, 16 танков и два пехотных батальона, но тщетно — и эта атака также провалилась.

До вечера немцы сделали еще одну попытку отбить «Южную» высоту. Они вызвали на помощь авиацию. Бомбардировщики и истребители шесть раз заходили на высоту, сбрасывая бомбы и обстреливая наши позиции из пушек и пулеметов. Но едва рассеивался дым от разрывов, советские артиллеристы снова начинали стрелять.

Так продолжалось два дня.

Два дня нечеловеческого напряжения, непрерывных атак, несмолкаемого грохота танков и орудий. Степь была перепахана снарядами и бомбами, склоны высоты усеяны трупами в зеленых немецких шинелях. Бойцы дивизии Сафиуллина не сдали высоту.

...Вот она, высота 128,2. Самое памятное место декабрьских боев. Всюду следы яростного боя. Окопы, набитые трупами румын. Немцы, раздавленные в лепешку гусеницами танков.

Здесь, на высоте, осматривая поле недавнего яростного боя, я поднял несколько писем. У меня сохранилось одно из них, написанное детской рукой: «Добрый день, а может вечер. Здравствуй, тятя, кланяемся мы тебе, шлет низкий поклон мама, Миша, Ася, Шура, тетя Арина, тетя Поля, бабушка Оля, дедушка и все остальные родные и знакомые».

Девочка с трогательной детской наивностью писала отцу о своих маленьких новостях, о том, как она скучает без него и с каким нетерпением ждет домой.

«Тятя, приезжай скорей домой. Нам стало скучно без тебя, все с работы домой придем, как на квартиру (пишу тебе, а слезы льются). Тятя я хочу спросить, есть или нет у вас там фотография. Если есть, ты бы снялся, мы бы посмотрели. Посылаю тебе в письме деньги 3 руб., ну и пока до свиданья. Остаемся живы и здоровы и того желаем тебе».

Милая неизвестная девочка, она не дождется письма от своего тяти. Он был один из тех, кто первым вместе с комбатом Хачатуровым ворвался на гребень «Южной» высоты и вместе с Хачатуровым пал на отвоеванной у врага земле Сталинграда.

Сталинград, январь 1943 г.

СРАЖЕНИЕ У ХУТОРА ВЕРХНЕ-КУМСКОГО

В окончательном исходе победной битвы у Сталинграда огромную роль сыграло сражение у хутора Верхне-Кумского. Хуторок этот, затерянный в аксайских степях южнее Сталинграда, маленький и малоизвестный, несомненно, войдет в историю Отечественной войны.

В декабре 1942 года части Красной Армии одержали у В.-Кумского крупную победу над сильной немецкой группировкой фельдмаршала фон Манштейна.

Осуществляя гениальный план Верховного Главнокомандования, Красная Армия в ноябре перешла в наступление и частями Сталинградского, Донского и Юго-Западного фронтов прочно сковала кольцо вокруг 330-тысячной немецкой армии под Сталинградом.

Немецко-фашистское командование понимало, что полное уничтожение армии Паулюса под Сталинградом не только уронит престиж немецкого оружия в глазах всего мира, но и явится страшным ударом по немецкой военной машине. Этим и объясняются те большие усилия, которые предприняло немецкое командование для выручки своих войск, окруженных под Сталинградом.

План немцев состоял в том, чтобы одновременным ударом двух своих мощных группировок с юга — от Котельниково и с запада — от Тормосино разорвать кольцо наших войск вокруг 6-й армии Паулюса и 4-й танковой армии Готта.

Наиболее сильной из этих группировок, шедших на выручку окруженных войск, была группа фельдмаршала Манштейна. Она начала свое контрнаступление 12 декабря из района Котельниково в составе трех танковых, четырех пехотных, одной моторизованной и двух кавалерийских дивизий и имела свыше 500 танков. Для сравнения напомним, что в 1941 году в танковой армии Гудериана насчитывалось 600 танков и он сумел пройти более 400 километров от Глухова до Каширы. Манштейну необходимо было пройти всего лишь 150 — 180 километров, а затем, соединившись с Паулюсом, он мог рассчитывать на поддержку его двух тысяч танков. Поэтому Манштейн и не жалел свои танки, бросая их в атаки большими группами, в надежде разорвать кольцо наших войск, раздавить их тяжестью своего бронированного кулака.

К началу контрнаступления группы Манштейна на южном участке Сталинградского фронта была следующая обстановка. В районе В.-Курмоярской, хуторов Нижне-Яблочного, Верхне-Яблочного занимал оборону кавалерийский корпус генерала Шапкина, усиленный танковой бригадой. В районе хуторов Пимен-Черни, Дарганов, Шаргнутовский были части правого фланга армии генерала Труфанова. В районе Аксая сосредотачивались мехчасти генерала Танасчишина. Часть сил мехкорпуса генерала Вольского выдвинулась к рубежу хутора Генераловский. В это же время главные силы мехкорпуса Вольского уходили на северо-запад, навстречу западной группировке противника в направлении хуторов Ермохинский, Демкин.

В такой обстановке командование Сталинградским фронтом решило объединить части кавалерийского, двух мехкорпусов и войска генерала Труфанова для разгрома надвигающейся армии фельдмаршала Манштейна на рубеже р. Аксай и обеспечить в то же время

сосредоточение подходящей свежей армии генерала Малиновского в районе Громославка, Ивановка, Каптинка. Это была нелегкая задача. Требовалось привести в порядок части, истомленные трехнедельными боями, и разгромить врага, во много превосходившего наши силы как в технике, так и в количестве боевого состава.

В основу замысла разгрома группировки Манштейна была положена идея фланговых ударов с запада и востока, с расчетом отрезать танки от мотопехоты и тылов наступавшего противника, а затем уничтожать их порознь. Для этого необходимо было прежде всего продиктовать противнику свою волю и заставить его двигаться в определенном направлении, парализуя всякие попытки уклониться от намеченного нашим командованием пути. С правого фланга удар на восток по южному берегу р. Аксай в направлении Бирюковского должен был наносить корпус генерала Вольского. С левого фланга — с востока, из района Аксай также в направлении Бирюковского должны были двинутьея танкисты генерала Танасчишина. Главные силы Вольского приказано было повернуть с севера на юг.

Таким построением наших войск преследовалась цель не только разрезать танковый таран Манштейна на две части, но и ликвидировать возможный прорыв его танков через рубеж степной речки Аксай, откуда он легко мог соединиться с Паулюсом. Однако только этими мерами не обеспечивался разгром группы Манштейна. Необходимо было считаться с фактом значительного превосходства сил противника. Но наше командование рассчитывало на фланговый маневр и эффективное использование гряды высот, прилегающих к речке Мышкова.

Первые бои с войсками Манштейна завязали кавалеристы генерала Шапкина в районе Верхне-Яблочный.

Они приняли на себя удар танковой дивизии противника.

Здесь немцы пытались свернуть на юг, но, получив отпор, продолжали свое движение вперед. Удар противника по правому флангу войск Труфанова также не принес немцам желаемых результатов. Оставив около ста танков подбитыми и сожженными, противник продолжал наступление. Но теперь уже он покорно следовал по коридору, т.е. по тому пути, который ему был предопределен замыслом нашего командования. Все же противник потеснил на север танки и кавалерию Шапкина и правофланговые части войск Труфанова к рубежу реки Аксай.

Назрел момент фланговых ударов по противнику. С востока и запада одновременно пошли навстречу друг другу танки и мотопехота Вольского и Танасчишина. События развертывались быстро. В то время, как части Вольского ударами во фланг противника с запада отвлекли на себя значительное количество его танков, Танасчишин в районе ст. Жутово завязал бой с танковой дивизией немцев, но удара по флангу основной группы Манштейна не нанес. В связи с этим две танковые дивизии противника форсировали р. Аксай. Но к этому времени к рубежу высот 147,146 вышли стрелковый полк подполковника Диасамидзе, танковый полк подполковника Асланова, истребительная бригада и часть танков Танасчишина. Активными действиями они задержали передовые части двух танковых дивизий противника.

В это время корпус Вольского был полностью повернут на юг и подходил к полю боя в районе хутора Верхне-Кумский.

Манштейн вновь сделал попытку обойти нашу оборону с запада и востока, но ему это не удалось, и он продолжал итти навстречу своей гибели.

На подходе к р. Мышкова, у хутора Верхне-Кумского, от которого Манштейну осталось 45 — 50 километров до зажатой в кольцо немецкой группировки, развернулось генеральное сражение, продолжавшееся девять дней, с 12 по 21 декабря, приведшее к разгрому армии Манштейна и решившее во многом судьбу армии Паулюса.

Потеряв до перехода р.Аксай свыше ста танков и в боях южнее В.-Кумского еще сто танков, Манштейн продолжал слепо двигаться вперед, восстанавливая на ходу подбитые танки, бросая в бой все новые силы. Бои были ожесточенными и кровопролитными. Сталинградское войско, выдержавшее величайшие испытания у Волги, стало железной стеной на пути врага. Отлично используя гряду высот В.-Кумского, наши части малым количеством танков наносили врагу большой ущерб. Маневрируя и появляясь из-за высот на флангах противника, танкисты Вольского расстреливали в упор танки врага и вновь скрывались за высотами, выжидая удобный момент для контратак. Совершив за несколько дней почти 200-километровый рейд и замкнув вместе с другими подвижными частями кольцо вокруг Сталинградской группировки немцев, корпус Вольского вынужден был, пока не подошли ударные войска, принять на себя основные танковые удары группировки Манштейна.

Изумительную стойкость и умение показали в этих боях танкисты подполковника Асланова и стрелки подполковника Диасамидзе. В разгар боя 18 декабря танкисты и мотострелки генерала Вольского и пехотинцы подполковника Диасамидзе получили личную благодарность товарища Сталина. Корпусу Вольского в этот день было присвоено звание гвардейского, а подполковник Асланов и подполковник Диасамидзе удостоились звания Героев Советского Союза.

Это была достойная оценка их подвигу. Танки Асланова стояли в оврагах, укрывались за высотами. Как только немецкие машины показывались на гребне высот, наши танкисты расстреливали их из укрытий. Немцы пробовали пробиться правее, Асланов и здесь вставал на их пути. Четыре дня немцы настойчиво прорывались вперед и никак не могли пробиться сквозь подвижную стену нашей обороны. Танкисты Асланова подбили и уничтожили до сотни немецких танков.

Стрелковый полк Диасамидзе дрался с врагом, превосходившим его в 5—6 раз. В расположении полка было сброшено восемь тысяч авиабомб и еще больше снарядов. Отбив тридцать три атаки, полк подбил около ста танков и разгромил два батальона немцев.

Четыре дня подряд противник бросал в бой по двести танков и несколько полков мотопехоты. 18 декабря над расположением наших частей было пятьсот немецких самолетов, 19 декабря — тысяча.

Танкисты и стрелки под этим «воздушным зонтом» самоотверженно отбивали мощные атаки врага. Так как нехватало пехоты, Асланов снял по одному человеку из экипажей танков и использовал их как пехотинцев. Несмотря на то, что наши части уже три недели находились в боях, а танковые дивизии врага только-что вступили в действие, все-таки немцы не смогли пробить кольцо и соединиться с 6-й немецкой армией.

Победили несгибаемая стойкость и мужество наших войск. Уже изведавшие радость огромной победы, войска сражались с невероятным упорством.

Двое суток находился на поле боя танк майора Николая Дорошкевича—командира танкового полка. Он один вел бой с двадцатью немецкими машинами, семь из них сжег, а восемь подбил.

Пять немецких танков шли на окоп, который защищал моряк-коммунист Илья Каплунов. Выстрелами из

бронебойки и гранатами Каплунов сжег все пять наседавших на него танков. Снаряд оторвал ему левую ногу. В это время на окоп двинулись еще четыре фашистских танка. Раненый моряк пополз им навстречу, оставляя на снегу кровавый след. Он подорвал еще три танка, когда был ранен в левую руку. Девятый танк раздавил правую ногу героя, но подорвался на гранате Каплунова. Победителя девяти танков товарищи нашли мертвым. Он лежал в залитой кровью тельняшке, сжав в руке последнюю гранату. Приказом Военного Совета фронта гвардеец-моряк Каплунов навечно зачислен в список своей части. Бессмертный, он навсегда занял свое почетное место на правом фланге у знамени.

На Громославку немцы бросили 22 танка и до батальона пехоты. Тяжелый бой длился два часа. Только семь танков ушли обратно, остальные остались на улицах села. Четыре танка поджог из своей бронебойки гвардии сержант Петушков. Два танка подорвал гранатами красноармеец Успенский, а остальные девять уничтожили артиллеристы.

Бронебойщики жгли танки, пулеметчики истребляли пехоту противника. Олицетворением мужества пулеметчиков стал комсомолец Рец — наводчик станкового пулемета. Со своим «максимом» он выдвинулся вперед, замаскировался. Вот немцы поднялись в атаку. Рец открыл огонь. Неожиданное вмешательство станкового пулемета спутало расчеты врага. Гитлеровцы пробовали подавить пулемет, Рец продолжал огонь. Тогда группа немцев зашла в тыл, Рец убил пятерых, но в это время смолк пулемет—патроны кончились.

— Гвардейцы в плен не сдаются! — крикнул Рец, поднявшись в рост и с незаряженной винтовкой бросился на пятерых немцев. В яростной схватке пулеметчик заколол штыком трех немцев, а остальные в ужасе бежали.

К 20 декабря сражение достигло высшего напряжения. Уже, видимо, чувствуя, что план его гибнет, Манштейн бросил в бой остатки своих танковых дивизий. Ценой больших потерь ему удалось захватить Верхне-Кумский.

Но время немецкий фельдмаршал уже проиграл. Совершив в невиданно короткий срок 200-километровый марш, гвардейские части генерала Малиновского еще к 15 декабря начали сосредотачиваться на рубеже Громославка, Ивановка, Каптинка. В мороз и ветер гвардейцы шли без отдыха и сна. Населенные пункты на пути их движения были заняты под госпитали и тылы действующих войск. Обогревание людей представляло невероятные трудности.

Гениальная предусмотрительность нашего Верховного Командования, обеспечившего своевременный подход свежих сил к полю боя, окончательно решила судьбу группировки Манштейна. К 24 декабря войска Малиновского полностью сосредоточились в избранном пункте. Наши силы возросли, а силы врага истаяли. Достаточно сказать, что за двенадцать дней, с 12 по 24 декабря, немцы потеряли у В-Кумского 278 самолетов, 487 танков, 376 орудий, 982 автомашины. Только убитыми потери врага достигли 17 тысяч солдат и офицеров.

И вот настал момент уничтожающего удара по группировке Манштейна. Гвардия нанесла этот удар на рассвете 25 декабря. Остатки группы Манштейна не смогли сдержать напор наших войск, и в первый же день немцы были отброшены на 25 километров. В наших руках оказались сильные опорные пункты противника: Нижне-Кумский, Верхне-Кумский, Жутов 2-й, Каптинка, «Парижская Коммуна».

Темп наступления наших частей нарастал. Гвардия вышла на рубеж р. Аксай, заняв населенные пункты

Моисеев, Ново-Аксайский и продолжала гнать неприятеля дальше. С группой Манштейна было покончено.

Однако угроза с запада еще не уменьшилась. Из района хутора Тормосино на помощь 6-й армии рвалась другая группировка немцев. К 28 декабря навстречу этой группировке немцев двинулись войска генерала Малиновского, которые в это время форсировали Дон и стремительно шли на запад. К исходу 29 декабря Дон форсировала еще одна группа наших войск в районе Потемкинской, Верхне-Курмоярской и решительным ударом к исходу 30 декабря овладела районным центром Тормосино и соединилась с левым крылом Юго-Западного фронта. Занятие Тормосино имело важное значение, так как в этом хуторе находилась неприятельская база продовольствия и боеприпасов, здесь сходился узел шоссейных дорог. Кроме всего падение Тормосино соединило войска Южного и Юго-Западного фронтов в одну линию войск, наступавших на юге.

Так вместе с десятками тысяч немцев были похоронены надежды и планы немецко-фашистского командования на выручку своей 6-й армии, сжатой в железное кольцо в районе Сталинграда. Через месяц вся 330-тысячная 6-я армия перестала существовать.

ВОЗМЕЗДИЕ

Ясным морозным утром 31 января, после короткого боя в центре Сталинграда — на площади Павших борцов — сложили оружие остатки шестой немецкой армии во главе с генерал-фельдмаршалом Паулюсом.

Прежде чем достичь площади Павших борцов, нашим войскам пришлось преодолеть упорное сопротивление врага южнее города, в районе речки Червленной, прорвать три пояса укреплений — два внешних обвода и так называемый внутренний сталинградский обвод.

Особенно трудным был прорыв оборонительного рубежа в районе маленькой извилистой речки Червленной к юго-западу от города. Немцы в свое время заняли прочную оборону на гряде холмов по левому берегу реки. Здесь, на этих высотах, амфитеатром поднимавшихся на восток к городу, у противника были сотни дзотов, блиндажей. Самые мощные огневые налеты нашей артиллерии не могли подавить их. Многодневные атаки неприятельских рубежей на Червленной также не имели успеха.

Дивизии полковника Сафиуллина и подполковника Казака готовились атаковать противника ночью. Для атаки подготовили штурмовые группы в составе стрелков, бронебойщиков и ручных пулеметчиков. Днем каждая штурмовая группа была нацелена на «свой», прикрепленный к ней дзот. В полночь, когда в степи бушевала метель, штурмовые группы двинулись в атаку.

Страшным и смелым был четырехчасовой бой на Червленной, у балки Караватка. На другой день после боя мы побывали на этих высотах. По сотням трупов можно было догадаться, какой свирепой была эта схватка на южных высотах Сталинграда.

Не менее трудным был прорыв второго внутреннего обвода в районе Рынок—Орловка—Городище—Воропоново—Елхи.

Морозным метельным днем наши бойцы, таща на руках орудия по занесенным снегом дорогам, подошли к Песчанке и Воропоново.

Дневное наступление на Песчанку не дало желаемого результата. Тогда командование решило предпринять атаку в темноте. Полки майора Попова и майора Баталова охватили Песчанку с двух сторон. Затем, оставив прикрытие, два полка бесшумно подошли справа и слева по Песчаной балке и, когда пехота вышла на северо-восточную окраину села, в бой вступили танки бригады подполковника Малышева. В коротком ожесточенном бою наши войска смяли гарнизон Песчанки, истребив около 400 солдат и офицеров противника.

Штаб дивизии приютился в нескольких полуразрушенных домиках. Командир дивизии полковник Лосев —небольшого роста, с резкими чертами лица и острыми внимательными глазами, с простуженным голосом, не спал уже трое суток. Он был в том возбужденном состоянии, которое в эти дни владело всеми—и командирами и бойцами. Улыбаясь полковник говорил: «Генерал Пфефер грозил мне через перебежчиков и в листовках, — я, мол, поймаю полковника Лосева и обрежу ему бороду. А у меня бороды никогда и не было. Хочу вот теперь найти генерала и разъяснить ему его ошибку».

В то время, как дивизия Лосева занимала Песчанку,

дивизия полковника Сафиуллина вела бой с противником на станции Воропоново. Поле боя восемнадцатого года вновь стало ареной жестокой схватки. Станцию занимал 523-й немецкий полк. Спрятавшись за колесами вагонов и паровозов, в домах, немецкие пулеметчики и автоматчики яростно отстреливались. После двухчасового боя батальоны старшего лейтенанта Минкина и капитана Глазкова заняли Воропоново, и пулеметчик Полухин водрузил на водокачке красный флаг. В бою за Воропоново немцы потеряли до шестисот человек убитыми, наши части захватили свыше 1500 автомашин, 86 самолетов, 18 орудий и другие трофеи.

К исходу 23 января была прорвана так называемая внутренняя линия сталинградского обвода, и наши бойцы уже вели бой в районе Ельшанки, на Дар-горе и у элеватора. Огненный пояс нашей артиллерии смыкался вокруг немцев теснее и теснее. Час окончательной расплаты наступил. Сотни орудий различных калибров заняли позиции в зарослях «зеленого кольца». Пехота вытеснила немцев из района станции Сталинград-2 и прижала к берегу Волги — те из них, которые сопротивлялись и не желали сдаваться в плен, были перебиты.

Ельшанка. Отсюда хорошо виден элеватор, зацарицынская часть Сталинграда.

На дворе метель, резкий пронзительный ветер. Командиру дивизии непрерывно звонят. Залпы батарей, которые расположились тут же на улице, рядом со штабом, заглушают все, и командир совсем охрипшим голосом кричит в телефон. Потом передает нам свежие донесения из полков. В бараках у кирпичного завода идет совещание немецких и румынских офицеров — сдаваться или нет. Румыны — за, немцы — против. Командир немецкого бронепоезда пришел узнать условия капитуляции. Полковник Лосев ставит ему условие: выходить мелкими группами, оружие оставить в броне-

поезде. Звонит командир другого полка. Лосев напряженно вслушивается, потом кричит:

— Повтори, дорогой. Нет, нет, ты не жми, а окружай, захватывай. Штаб захвати! Понятно?

Эту фразу «обходи, захватывай» в те дни можно было слышать всюду — в штабе армии, в дивизиях, полках. Она, эта фраза, великолепно выражала возросшее военное мастерство наших командиров, новое в тактике наших войск в заключительном периоде боев в районе Сталинграда.

К концу января бои развернулись у Царицы, в городском саду, у вокзала. Кольцо окружения неумолимо сжималось и вот, наконец, наши войска ворвались на площадь Павших борцов.

...С чувством неизъяснимого волнения въехали мы в центр Сталинграда. Радость победы смешивается с горечью при виде сожженных домов, развороченных улиц. С трудом можно узнать знакомые с детства места.

Тяжело и больно видеть ставшую пепелищем Дар-гору, взорванный немцами Астраханский мост через Царицу, соединявший центральную часть города с зацарицынской стороной, поваленный бронзовый памятник Хользунову, разрушенный вокзал, обломки деревьев, разбитые скульптуры городского сада.

По засыпанным снегом улицам города трудно проехать. Они усеяны бесчисленными трупами немцев, забиты бесконечно длинными колоннами пленных солдат и офицеров, автомашинами, танками, мотоциклами. Ветер играючи поднимает облака штабных бумаг, подписанных немецкими офицерами и генералами.

В последние дни немцы сдавались в плен не по одиночке, не десятками, а сотнями и тысячами, не взводами и ротами, а батальонами и полками. В колоннах пленных идут солдаты и офицеры лучших, отборных

дивизий германской армии. Они идут, подняв воротники серо-зеленых шинелей, пряча в них от обжигающего ветра обмороженные носы и уши, идут грязные, небритые, изголодавшиеся, идут в последний раз по улицам Сталинграда, и сурово смотрит сожженный, израненный город в глаза своим убийцам, виновникам его бед и страданий.

Разве забудет кто-нибудь из нас, что делали они здесь в августе, сентябре, октябре? Эти дьявольские бомбардировки с воздуха, страшные пожары и разрушения, смерть и страдания женщин, детей и стариков, муки сталинградских горожан, оставшихся без крова и мерзнувших неделями в оврагах, в землянках, в баржах на берегу Волги? А виденные нами вчера в Садовой и Алексеевке фашистские лагеря смерти, в которых мученически погибло несколько тысяч советских людей —разве можно забыть и простить это?!

А пленных с каждым часом все больше и больше. Только одна дивизия полковника Сафиуллина захватила сегодня в плен две с лишним тысячи немцев, среди них очень много офицеров. Они сопротивлялись упорно. Паулюс за несколько дней до капитуляции сформировал офицерский батальон; и вчерашние жестокие бои дивизии Сафиуллина во многом объяснились яростным упорством этого офицерского батальона, упорством, которое можно назвать упорством отчаяния.

В числе пленных—штабные командиры немецкой дивизии во главе с генералом фон Шлеммером. Он — второй по счету немецкий генерал, захваченный в плен дивизией Сафиуллина.

Мы приехали в штаб дивизии в тот момент, когда полковник Сафиуллин вел разговор с седым, старым немцем, генералом Шлеммером. Генерал, горько вздыхая, жаловался на свою судьбу.

— Мне почти шестьдесят лет. Сорок лет я состою

на службе в германской армии, но такого поражения еще не видел.

— Сколько у вас в дивизии было солдат? — спрашивает Сафиуллин.

— Восемь тысяч,—отвечает фон Шлеммер.

— Восемь тысяч? — удивленно переспрашивает Сафиуллин. — А мы считали меньше.

— Вы считали правильно, — отвечает генерал, — но за несколько дней перед окружением дивизия получила солидное пополнение, и ваши разведчики, вероятно, еще не успели внести исправления в свои сведения.

— Мы взяли в плен четыре с половиной тысячи ваших солдат и офицеров, — говорит Сафиуллин. — А убито у вас, видимо, тысячи три, так, господин генерал?

Седой гитлеровский генерал с несколькими орденами на груди в ответ заплакал.

— Как я мог пережить такой позор...

Майор Токарев, начальник связи дивизии, был во главе парламентеров, ходивших к немцам. Я попросил его рассказать, как сдавались немцы в плен.

— Вечером в один из наших батальонов явились четыре немца — три солдата и один офицер, — рассказал майор Токарев. — Они заявили, что командир дивизии генерал фон Драммер прислал их узнать условия капитуляции. Парламентеров направили в штаб дивизии, и Сафиуллин выделил делегацию, в которую вошли я, капитан Волощук и старший лейтенант Быховский, хорошо владевший немецким языком.

На машине делегация добралась до переднего края. Отсюда немцы повели парламентеров в штаб своей дивизии на Дар-гору. Штаб дивизии помещался в двухэтажном деревянном доме. Наших командиров ввели в дом, комнаты были набиты офицерами. Я, быстро оглядев их, насчитал около семидесяти.

Генерал фон Драммер, седой, высокий, коренастый, сидел в полушубке и в ушанке за столом. Наши вежливо откозыряли.

Генерал поднялся со стула и, поклонившись, протянул руку. Сели. Генерал вынул сигареты. Мы открыли свои портсигары.

Я сказал генералу, что прибыл предъявить условия сдачи его дивизии в плен.

—Первое наше условие: немедленно всем офицерам сдать оружие. Ваше личное оружие разрешаю вам иметь при себе пистолет и кортик. Оставляю вам также денщика.

Генерал поблагодарил и протянул мне пистолет. Офицеры по очереди выходили и клали передо мной свои пистолеты и кортики.

— Второе условие: предлагаю отдать приказание частям, с которыми вы имеете связь, чтобы они немедленно сложили оружие.

Генерал минуту поколебался, затем позвонил. Я — связист, тут же подошел и перерезал провод. Начальник штаба, коренастый, сорокалетний полковник, вдруг заплакал. Генерал, глядя на него, тоже заплакал. Затем охватил руками голову и сказал:

— Были неудачи, было всякое. Но такое поражение...

Офицеры, качая головами, повторяли: «Да, да, какое поражение...»

— Третье условие, — неумолимо продолжал Токарев. — Прошу вас, господин генерал, передать записку командиру корпуса, чтобы он немедленно прекратил сопротивление. Записку можно послать с одним из офицеров.

Генерал написал записку. Быховский перевел: «Считая сопротивление бесполезным, я решил сложить ору-

жие. У меня находятся представители русского командования. Рекомендую вам сделать то же самое».

В коридоре офицеры протягивали нашим автоматчикам пистолеты. Автоматчики в белых халатах стояли у дверей и зорко следили по сторонам, нет ли где подвоха.

Из штаба дивизии мы двинулись пешком. Прошли два километра. Здесь нас ждала машина. Усадили в нее командира дивизии, начальника штаба, несколько штабных офицеров.

Через два часа полковник Сафиуллин у себя в штабе выслушивал горькие сетования генерала фон Драммера на свою судьбу.

— Сколько вам лет, господин полковник? — спросил тот Сафиуллина.

Узнав, что Сафиуллину 36 лет, немец сказал:

— О, такой молодой и уже командир дивизии.

Фон Драммер был очень удивлен, когда услышал о прорыве ленинградской блокады и успешном наступлении наших войск на Кавказе и в районе Воронежа. Немецкое командование, оказывается, скрывало правду даже от своих генералов...

В Сталинграде Гитлер потерял лучшие свои, самые отборные дивизии, полностью насыщенные офицерским составом. В дивизиях 6-й армии очень много уроженцев центральных областей и городов Германии, членов фашистской партии. Вчера, например, нами взят в плен офицер, оказавшийся бывшим руководителем берлинской организации гитлеровской молодежи. Он рассказал, что его дивизия наполовину состоит из берлинцев...

...Во дворе центрального универмага тесно и шумно. Просторный двор завален трофейным имуществом — мотоциклетами, пулеметами, автоматами, пистолетами, биноклями, кортиками, немецким оружием.

Здание универмага сгорело еще в первые дни осады города. Но подвал, огромный, прочный, был цел и он служил Паулюсу надежным убежищем от огневых налетов нашей артиллерии.

Здесь, во дворе, полковник Бурмаков, командир мото-стрелковой бригады и его заместитель подполковник Винокур рассказали нам события утра 31 января.

Бригада Бурмакова, овладев вокзалом, вышла к площади Павших борцов. Немцы отстреливались из здания почтамта, из универмага, из Дома пищепрома. Из бронебоек сержант Зырянов, младший лейтенант Дроздов и сержант Сухарев, под командованием лейтенанта Евтушенко, подавили пулеметные точки противника. После непродолжительной перестрелки из ворот центрального универмага вышел офицер с белым флагом. Командир роты Ческубин вместе со старшим лейтенантом Ильченко пошли через площадь к воротам центрального универмага. Когда проходили ворота, немец сказал по-русски: «Осторожнее, здесь мины». Спустились в подвал. Подвал был забит офицерами. Они стояли в несколько рядов по обеим сторонам, оставив узкий проход. Ильченко слышал громкий шопот, но разобрать мог только одно слово «капут». «Кому капут?—подумал Ильченко.—Мне или им?».

Офицер повел их к начальнику штаба генералу Шмидту. «А где сам Паулюс?» — спросил Ильченко. «Паулюс болен», — ответил Шмидт. Пока Ильченко говорил с начальником штаба, в подвал спустился подполковник Винокур.

Фельдмаршал Паулюс, высокий, худощавый старик, лежал на кровати, накрытый черной шубой. Начальник штаба заявил нашим офицерам, что Паулюс уже несколько дней болен и передал командование ему.

Фельдмаршал, увидев русских командиров, встал, поднял руку вверх:

— Хайль!

— Хайль, так хайль, хрен с тобой. — вполголоса сказал Винокур и затем подчеркнуто вежливо поздравил Паулюса с новым званием (накануне генерал-полковник Паулюс был произведен в фельдмаршалы). Паулюс наклонил голову.

Всех пленных вывели из подвала, выстроили во дворе, они тут же сложили оружие. Через несколько минут на площади выросла гора автоматов, винтовок, револьверов.

...Стоит крепкий мороз. Но негде погреться в городе—и бойцы разжигают костры на улицах, в стенах разрушенных домов. Пламя, то светло-яркое, то багрово-красное озаряет темноту январской ночи.

У подъезда универмага на снегу отдыхают герои штурма—мотострелки батальона старшего лейтенанта Медведева. В полушубках, в белых халатах, уставшие, продрогшие на ветру, они с довольными лицами угощают друг друга табаком, папиросами.

Из темноты, словно привидения, возникают колонны пленных немцев.

Я вспоминаю статью немецкого военного корреспондента Вилли Бейера, напечатанную в «Дейтче Альгемейне цайтунг» 14 октября под заголовком:« В Сталинграде». Статья начиналась так: «Мы уже несколько дней находимся у Сталинграда. Насколько наш восточный поход не имел целью захвата отдельных городов, настолько этот город являлся целью нашего наступления».

Где он сейчас, этот Бейер? Не в этой ли колонне пленных, понуро бредущих по дороге в Бекетовку?

Сталинград. январь-февраль 1943 г.

ДО СВИДАНЬЯ, СТАЛИНГРАД!

Над скованной льдом и покрытой снегом Волгой стоит необычайная тишина. Только изредка ее разрывают глухие взрывы,—это саперы подрывают мины на набережной, на дорогах, улицах, в домах. Сколько здесь мин — трудно сосчитать! Саперам придется немало потрудиться, чтобы обезвредить их. Второй день не содрогается сталинградская земля от грохота авиабомб и снарядов, не рушатся более стены домов и заводских корпусов. Рассеялись, наконец, тучи тяжелого дыма, окутывавшего город пять с половиной месяцев, 163 дня и ночи.

Со 2-го февраля 1943 года Сталинград стал глубоким тылом. Фронт ушел далеко на юг, на запад. Город оживает, наполняется людьми, с левого берега Волги на родные места возвращаются жители — рабочие, женщины, дети. Сколько в эти дни взволнованных встреч, объятий, слез радостей и горестей...

Однако, пора приниматься за дело, а дел в городе — уйма. Надо восстанавливать разрушенные предприятия, мертвый трамвай, разбитый водопровод, убрать трупы, собрать трофеи. Особенно велика работа по уборке трупов.

Горожане вместе с армейскими спецформированиями занялись этой противной, но абсолютно необходимой работой.

А в эти дни, когда сталинградцы приступают к восстановлению города, по дорогам уже движутся на юг, на запад, вытянувшись в походные колонны, пол-

ки и дивизии Сталинградского войска. Закончив битву у Волги, сталинградские ветераны идут вперед к линии фронта, идут в новые бои и сражения.

Сильные тягачи тянут на буксире тяжелые орудия. Юркие «Виллисы» легко мчатся по взрыхленной гусеничными тракторами дороге, таща за собой противотанковые пушки, покрытые белым шелком трофейных парашютов. Идут пехотинцы — славные, рослые парни, дружные в бою и на марше, с лицами, почерневшими от зимних ветров. У многих из них на поясах немецкие кортики, кинжалы, на шеях бинокли. Каждый хочет сохранить себе что-нибудь на память о здешних боях.

Тепло прощаются жители города с уходящими вперед бойцами. От всего сердца благодарят они своих дорогих защитников, — желают им новых побед и долго-долго смотрят вслед войскам. У дороги через Дар-гору стоит чудом уцелевший домик рабочего пожарной команды Назаренко. Хозяин, сняв шапку, приветственно машет ею проходящим бойцам. Рядом стоит его жена Таисия Федоровна, утирая платком слезы.

Сталинградские горожане горячо полюбили своих защитников, а те в свою очередь навсегда привязались сердцем к сожженному, разрушенному городу на Волге. Этот город, с его славной и трагической судьбой, был их судьбой, их жизнью и смертью. И сейчас, уходя из города, каждый вспоминает, как они подходили к нему в сентябре-октябре, как на глазах валились дома, рушились заводы, как, упираясь в Волгу, отстаивали они Сталинград и отстояли его. Бойцы долгим взглядом оглядывают знакомые улицы, кварталы, словно хотят сохранить их в памяти на всю жизнь. В этом городе родилась боевая слава многих бойцов и командиров, полков и дивизий. Уральцы и сибиряки, казахи и башкиры, горьковчане и москвичи — они с гордостью называют себя сталинградцами.

Солнце клонится к западу. У серого железо-бетонного

исклеванного снарядами элеватора — самого высокого здания в городе —встречаемся с одним из полков дивизии полковника Морозова. Несколько дней полк вел бой в районе элеватора. Впереди колонны — всадник в каракулевой кубанке с ярким малиновым верхом. За поясом у него трофейный клинок с рукояткой из слоновой кости. Я всматриваюсь в красивого, статного всадника и узнаю в нем командира батальона капитана Соколенко.

Остановив коня, он привстал на стременах и оглядывает Дар-гору и элеватор. Здесь погибли его боевые друзья, здесь родилась боевая слава его батальона.

У здания элеватора, с которого присматривается добрая половина города и в котором немцы чувствовали себя относительно безопасно, велись особенно упорные бои. Ночью батальон Соколенко ворвался на Дар-гору. Здание элеватора штурмовал батальон моряков под командой старшего лейтенанта Муругова. Соколенко действовал левее моряков. После упорного боя гарнизон элеватора — свыше восьмисот солдат и офицеров — поднял белый флаг...

Соколенко сходит с коня. Мы закуриваем.

— Сроднились мы все с городом,—говорит он,—места эти запомним на всю жизнь. Вон там, у заводской трубы, был мой командный пункт. А у мединститута я потерял четырех самых лучших своих бойцов.

Он задумывается и потом, затоптав папироску носком сапога, говорит:

— Ну, что ж, пока до свиданья. Кончу войну, жив буду, с сыном приеду, покажу ему, где дрались.

Я крепко жму руку храброму командиру и желаю ему новых боевых удач. Серый конь помчал Соколенко вдогонку за ушедшим вперед батальоном. Летела из-под копыт коня снежная пыль, алела кубанка капитана, удаляясь от города.

По дорогам Сталинграда идут на юг и на запад новые и новые батальоны и полки.

До свиданья, наш Сталинград!

Бойцы поднимают руки в знак приветствия.

Сталинград, февраль 1943 г.

СТАЛИНГРАДЦЫ

«Без Сталинграда для нас нет жизни, нет счастья. Клянемся, что мы не пожалеем ни сна, ни отдыха, ни жизни, чтобы отстоять наш родной и любимый город».

В этих словах письма товарищу Сталину, написанных большевиками города в начале октября 1942 года, выражена вся страсть и сила души сталинградских патриотов.

Если сибирякам и уральцам, украинцам и казахам близок и дорог Сталинград, то во сколько же раз он роднее сталинградским горожанам, тем, чья юность протекла на Волге, тем, кто отстоял от врага город четверть века назад, кто построил его могучие заводы и взрастил сады и парки, кто любит свой город прежде и больше всего!

Судьба сталинградцев неотделима от судьбы их города. Тяжелые испытания выпали на их долю. В ясный воскресный день 23 августа немцы обрушили на город удары адской силы. Сотни самолетов шли на город, сбрасывая тысячи зажигательных и фугасных бомб. Рушились здания, валились вокзалы, падали сраженные насмерть осколками бомб дети, женщины, старики. С того дня, не переставая день и ночь, в небе над Сталинградом пронзительно выли сирены вражеских бомбардировщиков, тяжелые разрывы бомб глушили людей, столбы дыма застилали небо.

В эти дни и ночи сталинградцы не спасали своих квартир, свой домашний скарб. Они спасали людей.

Худенькая женщина Евдокия Петровна Дудникова вместе с девушками—дружинницами Красного Креста—вынесла из горящего госпиталя 124-х раненых. Молодые сталинградские девушки в этом аду показали себя самоотверженными и стойкими.

Враг сжег жилища сталинградцев, оставил сотни тысяч людей без крова. Горожане переселились в норы, вырытые на склонах оврагов, которыми богат город. Тысячи детей потеряли матерей и отцов в эти страшные дни и тысячи матерей и отцов похоронили своих детей, погибших от вражеских снарядов и бомб. Люди не спали многие дни и ночи, их сухие глаза горели огнем гнева и ярости. Когда горел от края до края весь город, жители Сталинграда не дрогнули, не побежали. Все остались на своих постах. Вблизи фронта, подошедшего к стенам завода, рабочие продолжали делать танки, орудия, минометы, строить уличные баррикады. Секретари райкомов партии формировали вооруженные отряды; и рабочие, одетые в серые ватные телогрейки, шли на передовые позиции. Сталевары «Красного Октября» ,оружейные мастера с «Баррикад», строители танков составляли стальные отряды обороны. Когда на Тракторном формировали танковый батальон и нехватало нескольких водителей, два техника — Фирсов и Смирнов сели в танки и повели их в бой.

В партком завода «Красный Октябрь» пришли старые рабочие—60-летний Шамов, Невежин, Рычков с просьбой послать их на фронт. Они так настаивали, что секретарь райкома Семен Кашенцев вынужден был послать стариков в пожарную команду: она хотя и не дралась с немцами, но действовала на линии огня.

Дни и ночи напрягались сталинградцы в великом труде защиты родного города. Они верили в армию, в то, что она не отдаст врагу города, и армия чувствовала за собой горячее дыхание заводов, видела жертвы.

которые приносили горожане. Доблесть, стойкость воинов слились здесь с благородным гражданским мужеством сталинградцев и это вместе создало ту нечеловеческую стойкость, о которую разбились железные дивизии врага, все его яростные атаки.

Сталинградские жители вложили в великую победу наших войск немало труда — своими неутомимыми руками они построили сотни километров укрепленных рубежей, опоясав город тремя обводами, соорудили тысячи огневых точек, вырыли миллионы кубометров земли. Они покрыли баррикадами улицы и площади города. Конечно, вокруг города не было тех шести железо-бетонных поясов обороны, о которых кричали немецкие газеты осенью 1912 года. Но и укрепления, что были сделаны наскоро, сослужили поистине неоценимую роль в обороне Сталинграда.

Вместе с армией защищали родной город рабочие заводов. Они не забыли боевых традиций Царицынской обороны. Когда враг подошел к стенам Тракторного и Городской Комитет Обороны бросил клич: «К оружию, сталинградцы!», тысячи рабочих и работниц, горячо и преданно любящих свой город, взяли в руки оружие и пошли в бой. Пошли в бой седые царицынские рабочие —краснооктябрьцы, мастера-баррикадцы, старые кадровики-металлурги, те, что прошли в свое время сталинскую школу обороны города; двинулись в бой тракторозаводские парни, дюжие волжские грузчики — буйные, веселые забияки; железнодорожники и водники с простой и широкой, как Волга, неукротимой, отважной душой, для которых великое счастье жить на земле Сталинграда, называться сталинградцами. Сталевары и орудийные мастера, монтеры и слесари стали минометчиками, артиллеристами, герои труда стали героями боев. В осажденном городе все стали воинами, — рабочие и служащие, милиционеры и домохозяйки.

старые ветераны царицынской обороны, молодые заводские парни, подростки, женщины и девушки. Одни с оружием в руках отбивали атаки гитлеровцев, другие ремонтировали танки и пушки, восстанавливали водопровод, снабжали фронт хлебом, боеприпасами, спасали раненых, охраняли заводы, ходили в разведку.

Тысячи старых рабочих—краснооктябрьцев, баррикадцев, тракторозаводцев сражались за Сталинград. Многие из них—плотник Поляков, сверловщик Гришин, мастер Москалев, капитан волжского катера Колшенский, казак Травянов отмечены знаками доблести и геройства — орденами и медалями. Сталинградские рабочие стали храбрейшими среди храбрых защитников города.

Истребительным батальоном тракторозаводцев командовал начальник милиции Костюченко. Батальоном краснооктябрьцев — листопрокатчик Позднышев. Рабочая гвардия заняла указанные командованием участки обороны и при поддержке артиллерии с боем отбила у немцев окраину города. Как испытанные воины, сражались с немцами славные сталинградские сталевары — Орлов, Кузьмин, Ольга Ковалева, механик Борисов, токарь Юшин, прокатчик Карелин.

Сталинградцы свято чтят память своих земляков, павших смертью храбрых в боях за родной город—Позднышева, Кузьмина, Орлова, Ковалеву.

У стен родного города сложили свои головы молодой слесарь Володин, семнадцатилетний комсомолец Терентьев, четырнадцать раз ходивший в разведку в тыл врага, комсомолка—санитарка Дуся Дмитриева, дочь тракторозаводского рабочего, смертельно раненная на поле боя... Шестнадцать рабочих погибли, восстанавливая водопровод, десятки самоотверженных водников, перевозивших под огнем противника через Волгу боеприпасы, пали, как солдаты, на боевом посту.

Кровью и смертью своей они запечатлели яркую, неугасимую любовь к родному городу. Они погибли как герои, обнимая перед смертью пыльную и жаркую, но святую землю родного города.

На защиту Сталинграда встали рука об руку с старыми ветеранами, участниками Царицынской обороны, молодые заводские парни: слесарь Родин, токарь Макаров, Алеша Талдыкин, Ермоленко, сотни других. Вначале многих парней с Тракторного завода не хотели принимать в отряд, но они, собравшись в райкоме комсомола, настойчиво потребовали от директора завода выдать им оружие. Страстно, нетерпеливо рвалась в бой сталинградская молодежь, та, что строила город, Тракторный завод и здесь, на берегу Волги, начинала свою жизнь.

5 октября 1942 г. Военный Совет 62-й армии постановил рабочие отряды Тракторного завода, заводов «Баррикады» и «Красный Октябрь» влить в армию. В штабе дивизии Гуртьева мне дали прочитать документ о действиях роты баррикадских рабочих, которой командовал старший лейтенант Бурлаков.

«Командиру 308. Доношу что 14.X в личном составе потерь нет. Район завода и Нижнего поселка подвергался тяжелому артиллерийскому и минометному обстрелу, который продолжался всю ночь. Продолжалась непрерывная бомбежка с воздуха. Созданные на заводе укрепления частью разрушены, частью испорчены. Устроено тринадцать индивидуальных стрелковых окопов и амбразуры».

Другое донесение 15.X. «Доношу, что северо-западные цеха завода цехи 43 и 19 заняты противником. Гарнизон роты попал в окружение. Связь с ними прервана. На углу, северо-западнее находятся шесть танков противника. Нахожусь в обороне с отрядом рабочих. Положение серьезное, Бурлаков». 17-го октября в 20 час

40 минут Бурлаков прислал новое донесение. «Доношу, что при обороне завода в ночь с 16 на 17 рабочий отряд 2-й роты НКВД занял оборону северо-западнее угла завода. Утром с соседнего участка прорвалась большая группа немцев. Принял бой с двумя батальонами пехоты немцев, часть их уничтожил. Положение серьезное. Старший лейтенант Бурлаков».

Отряд почти весь погиб, но к Волге врага не пропустил. К вечеру 17 октября подошли свежие силы и заняли рубеж, удержанный ценою жизни сталинградских патриотов.

В суровые дни октября южные заводы города под обстрелом противника продолжали производить для армии боеприпасы, ремонтировать оружие и танки. В Кировском районе работали мельницы, маслобойки, пекарня, снабжавшие население города и бойцов фронта. Помимо этого, действовало несколько пошивочных и сапожных мастерских, водопровод и некоторые другие предприятия.

Геройски трудились железнодорожники. Машинист Атаманов вел к фронту состав с боеприпасами. В пути был тяжело ранен. Но он не оставил свой пост и вел поезд еще 80 клм. Доставив поезд по назначению, он упал без сознания.

Подвиг Атаманова перекликается с подвигом машиниста Корнеева. Корнеев в пути был смертельно ранен осколком бомбы, попавшей в поезд. Умирая, Корнеев сказал своему помощнику: «Доведи до места, береги паровоз. Не забудь долить воды. Танки и боеприпасы доставь в срок. Передай привет нашим».

Усилия сталинградских патриотов объединялись Городским Комитетом Обороны. Секретарь Областного комитета партии и председатель Городского Комитета Обороны тов. А. С. Чуянов вложил много энергии для сплочения большевиков города. Городской Комитет

Обороны в те дни занимался десятками самых разнообразных дел: и снабжением фронта, и работой заводов, и эвакуацией детей, и формированием рабочих отрядов, и многими, многими другими.

И. А. Пиксин — секретарь горкома партии, Д. М. Пигалев — председатель горисполкома, секретари городских райкомов — Бабкин, Приходько, Романенко, рядовые коммунисты, рабочие, бойцы истребительных отрядов, замечательные сталинградские милиционеры, день и ночь помогавшие армии, комсомольцы и комсомолки — все они вложили свою лепту в оборону города.

Живя среди руин, на пепле обугленного города, сталинградцы с новой отвагой вступили сейчас в новый бой—за возрождение родного города. В этом им помогает вся страна так же, как раньше она помогала в дни обороны.

Сталинградцы — страстные патриоты своего города —сумеют напряженным трудом восстановить его, чтобы над Волгой снова поднялся кварталами светлых домов обновленный Сталинград, чтобы вновь задымили его заводы, зазеленели сады и скверы, засверкали асфальтом широкие улицы и площади. Слава вам—мужественным горожанам героического Сталинграда, кто вместе с армией участвовал в великом сражении и отстоял для Родины наш героический Сталинград!

СЛАВА ПАВШИМ

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!

И. СТАЛИН.

В Сталинграде, на его улицах и площадях, вы нередко увидите в зелени сохранившихся парков и садов, на пепелищах и пустырях, у заводских стен, в палисадниках, на школьной площадке, где-нибудь на склоне оврага или на берегу Волги—могильные холмики с возвышающимися над ними деревянными пирамидками, окрашенными в красный цвет. Это—воинские могилы, святые могилы героев Сталинградской битвы.

Прочитайте надгробные надписи. Как много говорят они, особенно тем, кто был здесь в дни сталинградской обороны, кто пережил жестокие и гневные, страшные и величественные дни и ночи ее!

По древнему преданию, когда гибнет герой — падает и гаснет его звезда на небе, но не гаснет в народе память о герое, не уходят бесследно его деяния — они бессмертны и вечны, ибо в них живет сам народ.

Ясное августовское утро. Еще не спала прохлада ночи и легкий ветерок веет холодом с Волги. Как хорош этот утренний час в Сталинграде, когда, услышав голос заводских гудков, люди смывают пылинки сна и неторопливо идут на работу!

Тихо на площади Павших борцов — обычно самом оживленном уголке Сталинграда, где в сквере, рядом с памятником 54-м героям Царицына--высоким серым

обелиском, исклеванном пулями и осколками снарядов, одиннадцать свежих могил. Рядом с отцами лежат сыновья. Судьба назначила им одинаково славный удел — бессмертие. Весной сорок третьего года на эти могилы возложил цветы представитель союзного американского народа Джозеф Дэвис. Воинам Сталинграда, сдержавшим бешеное наступление германской армии в 1942 г., благодарны все советские люди. Кровью их подготовлены все победы Красной Армии; и недаром бойцы наши говорят: — «Сталинградская победа — мать всех побед». Благодарны им и все люди мира, все, кому дорога свобода и независимость.

Поэтому, прибыв в Советский Союз, Дэвис, прежде всего, почтил память погибших героев Сталинграда. Он положил на могилы их цветы и сказал: «Мужественные и великолепные солдаты Сталинграда заслужили восхищение и благодарность всего свободолюбивого человечества, и пусть мои скромные цветы будут знаком этой благодарности».

Несмотря на ранний час, у могил стоит несколько человек, читая надгробные надписи. Пятнадцатилетний парнишка, коренастый крепыш в белой рубашке, в фуражке козырьком назад, один из тех, кто сегодня строит город, вслух читает надпись на красной пирамидке: «Мы выполнили свой долг до конца, мы не пожалели своей жизни в бою за Сталинград. Выполните вы свой долг — не сдавайте врагу вашего любимого города».

От волнения голос парнишки прерывается. Все мы, окружающие, хорошо понимаем это волнение юного жителя Сталинграда. Кажется, все мы слышим голос, идущий из могилы, голос воинов, павших в бою, обращенный к нашей чести.

Маленький холмик, на котором стоит любовно отделанная пирамидка из фанеры со звездочкой наверху. В звездочку вделана фотография молодой девушки в синем

свитере со строгими серыми глазами и копной русых волос. Надпись на алюминиевой дощечке гласит: «Здесь погребена санинструктор Нина Антоновна Легович, геройски погибшая в бою за Сталинград 1 февраля 1943 г. Во время боя Нина Легович под огнем противника оказала помощь 18 раненым бойцам и командирам 318 артполка».

Вправо от Нины Легович погребены с бранными почестями герои-разведчики — старший сержант Зыкин, сержант Бык, красноармейцы Ямпольский, Пеньков, Белянский, Хабибулин, Сергази Михитов, Аликаев. Их имена и могила знаменует собой навеки спаянное кровью братство советских народов.

Рядом со мной стоит девушка в красной косынке и пожилой рабочий, наверное ее отец. Девушка долго рассматривает фотографию одного командира, приклеенную к пирамидке из цинка, на которой написано: «Слава защитнику Сталинграда майору Лебедеву».

— Я его знала, — говорит девушка, — он жил у нас на квартире. Такой видный был и храбрый. Бывало, бомбят — все лезут в щель, а он сидит спокойненько бреется. В тот день, как погиб,—побрился, вышел на крыльцо. А через час принесли с передовой мертвенького.

На алюминиевой дощечке выгравировано: «Могила лейтенанта Иванова, отдавшего свою жизнь за дело будущего свободного поколения России. Его подвиг и имя не забудет родина. Отомстим за гибель товарища».

Люди стоят у могил, огороженных железной решетчатой изгородью, и долго молчат, думая о погибших. Тяжелой и кровопролитной была битва на берегу Волги. Она требовала жертв и не щадили себя защитники города. Сотни и тысячи молодых дарований и старых солдат — украинцев, сибиряков, уральцев, казахов, донских казаков сложили свои головы в жестоких боях с отбор-

ными дивизиями немцев. «Чтобы иметь представление о размерах того невиданного побоища, которое разыгралось на полях Сталинграда,—говорил товарищ Сталин,—необходимо знать, что по окончании сталинградской битвы было подобрано и похоронено 147.200 убитых немецких солдат и офицеров и 46700 убитых советских солдат и офицеров».

Непробудным сном спят богатыри Сталинграда на берегу Волги, в степи за городом и на площадях и улицах, политых их кровью. Шелестит ветер листьями деревьев над могилами, степь охраняет покой павших. Бессмертная слава витает над ними. Сбавляют шаги проходящие мимо люди, прочтя надмогильную надпись, с уважением снимает шапку перед священной могилой погибшего героя благодарный сталинградский житель.

Вот могила Рубена Ибаррури, бесстрашного сына героини испанского народа Пассионарии. В сентябре первого года войны он выступал на антифашистском митинге молодежи в Москве. Худощавый черноволосый юноша сказал тогда всему миру полные внутренней силы и страсти слова: «Нет времени размышлять и колебаться. Миллионы жертв, павшие под ударами фашистских убийц, взывают к мщению. Я испанец, а рядом со мной сражается русский и грузин, белорусс и казах, украинец и татарин, — каждый, кто хочет завоевать себе счастье и свободу»..

Он пришел на митинг из госпиталя и как только зарубцевалась его рана, снова уехал на фронт. Центром фронтов в то время был Сталинград. Здесь Рубен Ибаррури командовал ротой пулеметчиков. Его рота защищала большой двухэтажный дом. В бою за этот сталинградский дом гвардии старший лейтенант Ибаррури, молодой испанец в походной форме русского офицера, был смертельно ранен.

Спит вечным сном в каменистой земле под Сталин-

градом нанайский охотник Максим Пассар — житель далекого севера. Он считался лучшим снайпером фронта. Его винтовка била без промаха, он истребил целую роту — 236 немцев.

Молодой нанаец погиб в дни нашего январского наступления. На могиле молодого героя друзья Пассара поклялись отомстить за него. Воюет сейчас на фронте брат Максима, тоже знаменитый снайпер. Он мстит за брата. Мстят за Максима Пассара и его друзья.

Спят в сталинградской степи непробудимым сном отважный кавказец Харпаша Нурадинов, пулеметом своим скосивший четыре немецких роты, и старый солдат-украинец Гайдайчук, ветеран трех войн, когда-то получивший Георгия из рук самого Брусилова. На могиле тихоокеанского моряка Ильи Каплунова, под хутором Верхне-Кумским, вступившего в бой с девятью танками и вышедшего победителем в этом страшном поединке, написали его друзья зимой сорок второго года: «Погиб смертью храбрых Илья Михайлович Каплунов, моряк, коммунист, герой». Над степью тогда горел закат, и товарищам казалось, что это родина склоняет к снежной могиле богатыря Красные Знамена гвардии. Теперь Каплунов навечно зачислен в список своего полка.

Немалые жертвы принесли батальоны, ведшие бой у Царицы, у элеватора, на Дар-горе и в Ельшанке, у Воропоново, и в поселке Купоросном, на южных высотах Сталинграда. Но труднее всего было тем, кто стоял на направлении главного удара немцев — в северной части города. Здесь больше могил. Стоит, возвышаясь над Волгой, знаменитый Мамаев курган—место самых ожесточенных боев. На кургане несколько памятников бойцам и офицерам дивизии Родимцева, Батюка.

Внизу у Волги, у входных ворот завода «Красный Октябрь», братская могила бойцов Таращанского полка. У завода «Баррикады» погиб в последний день сталин-

градской битвы славный сталинградский парень Георгий Филиппов, заместитель командира полка. 2 февраля, подъехав к заводу после боя, я увидел у мартеновского цеха среди сотен трупов немцев нескольких бойцов, лежащих ничком на снегу, сжимая винтовки мертвыми руками. Так умирает русский солдат. Они погибли в последней атаке завода и через час после того, как перестали биться их сердца, над Волгой, после пятимесячного грохота боев, наступила тишина.

Могилы у Лоташинского сада — места августовских боев. Я встретил здесь молодую женщину. Она приехала из Вольска навестить могилу мужа—капитана Стекальникова. Женщина сидит у дорогого надгробья и ласково гладит рукой могильный холмик, убранный цветами.

— Кто-то позаботился о могилке моего Вани, — говорит она, утирая платком слезы.

Сталинградские жители любовно оберегают воинские могилы. Городской Комитет Обороны принял постановление о сбережении и реставрации могил и других памятников обороны Сталинграда. Пионеры и комсомольцы города и области взяли на себя ответственность за украшение воинских могил. Реставрируются надписи на могилах, строятся изгороди. В специальную книгу, которая находится в горсовете, записываются все воинские могилы и их адреса. Это нужно и для потомства и для родственников погибших, которые приедут навестить дорогие могилы.

Комсомольцы Тракторного завода получили письмо с Урала от учительницы Александры Петровны Ивановой — матери героя-танкиста, погибшего в бою за Сталинград.

Мать пишет: «Мой сын был командиром танка. Он до последнего защищал Сталинград, отдал свою жизнь в районе СВ и похоронен у вас на дачном поселке.

У меня к вам, дорогие товарищи, большая просьба.

У вас там на политой кровью земле снова зацветут цветы. Положите их на могилу моего сына. Ему было всего 22 года».

Письмо матери героя читалось во всех цехах. Молодежь ответила ей теплым сыновьим письмом: «Вашу просьбу, Александра Петровна, мы выполнили. Мы разыскали могилу вашего сына, и в солнечный день пионеры возложили на нее полевые цветы».

На Мокрой Мечетке, в поселке Рынок,—на месте августовских боев, — похоронены сталинградские ополченцы. Дуся Дмитриева—санитарка, спасшая десятки раненых. Смертельно раненная, она успела сказать: «Умираю за Сталинград». Здесь же могила Тимофеева, со своей батареей отбившего атаку двадцати девяти немецких танков. Артиллеристы дрались до последнего снаряда и погибли здесь, но восемнадцать немецких танков были подбиты и сожжены. В Лоташинском саду погибли бойцы-десантники отряда старшего лейтенанта Соколова. Они отвлекли на себя силы противника, атаковавшего зажатую в кольцо группу генерала Горохова.Здесь в степи, изрезанной оврагами, славно билась морская пехота.На братской могиле своих товарищей бойцы поставили любовно отделанный памятник.

Три исполинских завода Тракторный, «Баррикады» и «Красный Октябрь» — три старших брата в большой семье сталинградских заводов сто шестьдесят три дня подвергались бешеным атакам с земли и воздуха. Здесь шли яростные схватки за каждый цех, этаж, за каждый пролет и станок в цехе, за каждую мартеновскую печь, каждую комнату и ступеньку лестницы. Несколько недель продолжался бой за серое гранитное здание заводоуправления. Защищая завод, погибла здесь рота сталинградских рабочих под командой старшего лейтенанта Бурлакова. Пятеро из семидесяти остались в живых. При-

жатые к Волге, бойцы хоронили тогда павших в бою без погребальной церемонии, без музыки, не пели «Вы жертвою пали». Стиснув зубы, стояли люди у могилы своих боевых друзей и клялись драться, как они, не посрамить их память. И они сдержали клятву!

Сталинградский житель! Ты дышишь свежей прохладой Волги; ты видишь утром солнце, поднимающееся в заволжской степи; ты слышишь шум стройки, громкие гудки заводов и пароходов; ты ходишь по сталинградской земле, гуляешь с друзьями в тенистых парках и садах и слушаешь звонкий смех детворы; ты любишь семью, жизнь свою на берегу Волги, помни, всем этим ты обязан героям, чьей кровью орошена сухая каменистая земля Сталинграда. Преклони голову, припади губами к дорогим могилам!

Живет и строится новый Сталинград, вырастает из руин и пепла. Во имя того, чтобы жил Сталинград, отдали свою жизнь многие защитники города. Сталинград уже строит своим героям памятники. Он назовет их именами улицы и площади.

Пройдут месяцы, годы, но никогда не забудут наши люди погибших героев Сталинграда. Не забудут их жены и матери, отцы и дети. В дни торжественных праздников люди будут вспоминать погибших воинов Сталинграда и приходить на эти могилы. И в день самого великого торжества — в день нашей победы — люди придут на их могилы и отдадут торжественную почесть героям и Сталин добрым словом помянет своих славных солдат-сыновей, павших в великой сталинградской битве.

Сталинград, август 1943 г.

МИНЕР МЕШКОВ ИЗ СТАЛИНГРАДА

Уже совсем стемнело и нетерпеливый Гирич сказал:

— Ну, саперики-лунатики, пора в разведку!..

Щеглов и Малахов отставили опустевшие котелки и поднялись. Лишь Мешков неторопливо доел кашу, вытер ложку, поставил котелок в угол землянки, свернул цыгарку и сказал:

—Через полчаса скроется луна—в самый раз итти в разведку.

В инженерную разведку из всего батальона капитана Астафурова чаще других саперов ходили четверо: сержант Гирич, молодой ставропольский казак, человек веселого и горячего нрава, что не мешало ему, однако, на минных полях действовать с осторожностью опытного сапера; ефрейтор Шеньшаков, сорокалетний плотник из Астрахани с Кировской судоверфи; рядовой Малахов —20-летний паренек из Владимировки, белесый, вихрастый с еще нетронутым бритвой юношеским пухом на губах, сын водника и рядовой Николай Мешков, бывший сварщик с металлургического завода в Сталинграде, где он проработал до войны 14 лет. Шеньшакова на этот раз заменил молодой ефрейтор Щеглов, которого товарищи шутя называли: «Мы орловские».

Мешков был старше своих товарищей, и хотя по званию Гирич и Щеглов опередили его, они, незаметно для себя, признавали превосходство Мешкова в сложном са-

перном искусстве. Этот средних лет худощавый красноармеец с тонкими упрямыми губами и светлым взглядом голубых глаз пользовался славой самого искусного минера в инженерном батальоне. Раньше он был, как говорят на фронте, тыловым сапером: рыл землянки, строил блиндажи, рыл в Сталинграде на р. Царице тоннель для командного пункта штаба фронта, а потом на Миусе впервые расчищал проходы в минных полях для наступающих войск, и с того времени стал одним из лучших минеров-разведчиков в инженерном батальоне.

За свою недолгую саперную жизнь Мешков снял более четырех тысяч немецких мин, не было такого «сюрприза», которого он не мог бы разгадать. Любознательный по натуре, влюбленный в свою военную профессию, Мешков обладал способностью быстро проникать в секрет устройства любой новой неприятельской мины.

Третью ночь подряд Мешков со своими товарищами ходил обезвреживать минные поля немцев. Если бы немцы знали, что каждую ночь под самым носом у них советские саперы снимают их мины! Но саперы действовали настолько бесшумно и незаметно, что немцы не замечали ничего подозрительного. Каждую ночь саперы снимали по нескольку сот немецких мин, обезвреживая участок предполагаемой атаки.

Пройдя метров триста, разведчики вышли к подножию кургана, где, укрывшись в лесопосадку, стоял в боевом охранении пулеметный расчет. Дальше была нейтральная зона.

Холодная ночь и резкий ветер заставили разведчиков двигаться быстрее. Пройдя двести шагов, они, не сговариваясь, залегли, осмотрелись. Кругом было тихо, лишь где-то справа слышалась пулеметная перестрелка, и в темное небо неслись огненно-красные нити трассирующих пуль.

— Может стрельнем? — полушутя спросил Малахов,

— пусть отзовется немец, где он. А то втешемся . . .

И он сделал движение автоматом, но Мешков схватил его за руку и сердито сказал: «Не дури».

Они прошли еще несколько метров и опять прилегли. Надо же было в эту минуту одному из них кашлянуть. В ту же минуту раздался громкий окрик немецкого часового. Саперы замерли, лежа в канаве. Взлетела ракета и застучал пулемет. Через минуту он смолк, немцы, наверно, успокоились. Саперы вылезли из канавы и поползли вправо.

Привыкшие к темноте глаза Мешкова, ползшего впереди, заметили в серой ночной мгле чернеющие на поле свежие нарывы земли. Это было, безусловно, минное поле. Мешков сделал товарищам знак рукой, но тут же остановился. Посреди черных нарывов земли копошились какие-то фигуры. Это немецкие саперы устанавливали мины. Гирич подполз, и Мешков сказал ему:

— Будем ждать.

Прильнув к холодной сырой земле, саперы неподвижно лежали, пока немцы закончат установку мин. Прошел час томительного ожидания и хотя Малахова так и подмывало резануть из автомата по этим черным фигурам, сеющим в балке смерть, он также терпеливо ожидал. Наконец, немецкие минеры кончили работу и ушли.

— Ну, теперь наша очередь. Снимем мины, пока теплые, — шепнул Мешков.

Держа в левой руке автоматы, а в правой кинжалы, заменявшие им щупы, саперы добрались до минного поля. Мешков вначале осторожно прощупал землю кинжалом, снял с мины слой земли и начал вытаскивать взрыватель. Взрыватель он положил в карман, и уже затем вытащил из ямки круглую десятикилограммную противотанковую мину. Теперь нужно было двигаться, как на шахматной доске: немного вперед и вправо. Вот и вторая мина. Это было противотанковое поле. Обезвержи-

вать эти большие и круглые мины для сапера гораздо легче, чем маленькие противопехотные. Там неосторожный нажим, и кончено дело — взорвался. Однако, и на противопехотных минах саперы никогда не ошибались.

На минном поле, где Мешкова на каждом шагу караулила смерть, он действовал так же уверенно и привычно, как когда-то у себя в цехе на блюминге среди расскаленного металла. Он был искусным укротителем этих «ядовитых железных гадюк», как называют бойцы немецкие мины. Конечно, эта сноровка пришла не сама собою. Летней ночью на Миусе Мешков обезвреживал первую мину, он тогда долго ковырял землю вокруг нее, потом взял мину обеими руками, вытащил из ямки, открыл крышку и (сейчас об этом смешно вспоминать, а тогда у него похолодело сердце) вначале стал вытаскивать тол, а потом уже взрыватель. С того времени он десятки раз ходил в инженерную разведку и снимал многие сотни различных мин. Бывало и так, что немцы обнаруживали саперов, открывали бешеную стрельбу из пулеметов. Наши пулеметчики отвечали немцам, прикрывая огнем своих разведчиков, и саперы, находясь между двух огней, терпеливо ожидали, когда окончится перестрелка.

Саперы усердно работали, и через час только что возведенное немецкими саперами минное поле было снято, «перепахано», как сказал Малахов. Проход для танков и артиллерии был расчищен. Усталые, но довольные саперы возвращались из разведки с карманами, полными взрывателей. Это был их отчет о результатах разведки. Без взрывателей капитан Астафуров не принимал работ, а хотя все четверо действовали на поле с одинаковым старанием, у Мешкова взрывателей оказалось в полтора раза больше. Они выложили взрыватели командиру роты и тот спросил: «Ну, как, трудная была сегодня работа?»

— Да, нет, — ответил за всех Малахов, — трудной она кажется, когда получаешь приказ, а когда выполнишь кажется совсем легкой.

Выпив по стакану водки, саперы отправились спать. Рано утром грохот атаки разбудил их. Наскоро позавтракав, они двинулись вслед за наступающим войском, зная, что в ходе атаки обязательно потребуется их помощь. Когда артиллерия продвинулась на километр, на пути ее встретилось еще минное поле, и Мешков со своими друзьями под яростным огнем немецких минометов и пушек вновь лазил по полю, снимая немецкие мины. Затем артиллерия прошла дальше, а саперы собрали раскиданные мины и, укрывшись в окопе, невдалеке от балочки, следили за ходом боя. Грохот боя усилился, и саперы поняли, что немцы перешли в контратаку. В самом деле, вскоре слева показались десять танков и за ними шесть самоходных орудий. Они рвались с фланга, и наша пехота, не успевшая закрепиться, начала отходить. Прибежал командир взвода лейтенант Апарин, крича:

— Ребята... Во весь галоп!... Выбрасывать мины!

Нагрузившись каждый четырьмя противотанковыми минами и пригибаясь, саперы побежали навстречу немецким танкам, которые огнем пушек и пулеметов поливали всю балку. Семеро саперов подтаскивали мины, четверо — Мешков, Гирич, Малахов и Щеглов—быстро закапывали их и вставляли взрыватели. Пока немецкие танки маневрировали вдоль балки в поисках хода через нее, саперы, обливаясь на холодном ветру потом, выставили в балке на протяжении трехсот метров два ряда противотанковых мин и прикрыли выдвинувшийся вперед полк от удара противника. Немецкие танки не решились итти через противотанковое заграждение и повернули обратно.

Уже начинало темнеть, пошел дождь, и саперы ползли по набухшей водой холодной земле к командному

пункту. Ливень пуль и разрывы снарядов заставляли саперов плотнее прижиматься к земле, одежда их пропиталась холодной талой водой, но насквозь мокрые, они, разгоряченные работой, не чувствовали ни пронзительного ветра, ни холода талой воды.

Мешков смертельно устал, руки и ноги ломило, и только мысль, что они вчетвером не только открыли путь для атаки, но и этими же немецкими минами прикрыли свою часть от удара немецких танков,наполняла его гордой радостью, что он поработал не зря. Злобный огонь немецких батарей и танков не ослабевал и подняться было невозможно. Саперы были уже недалеко от командного пункта батальона, когда осколком снаряда ранило в ногу Догадова, и Гирич, кинувшийся к нему на помощь, немного поднялся и упал раненый в руку. Мешков с Малаховым ухватили раненых товарищей и тащили еще полчаса, когда, наконец, вылезли из зоны огня. Мешков сам перевязал своего приятеля, и только-что Гирича отправили в медсанбат, когда был получен новый приказ перенести минное поле вперед на пятьсот метров. И как ни устал Мешков, он вместе с другими саперами опять пополз в балку...

Через несколько дней его вызвал генерал Горохов и поздравил с орденом Славы III степени.

— Вы, Мешков, — сказал он, — у нас первый кавалер ордена Славы. Награждая вас, хочу спросить, можете ли вы подготовить пятерку таких же саперов, как вы сами?

—Смогу, товарищ генерал,—убежденно ответил сапер, взволнованный теплым и крепким рукопожатием генерала, которого он знал еще по боям на Волге, у Сталинграда, где Горохов завоевал огромную популярность и славу.

Нужно ли говорить, как рады были в ту минуту за своего земляка другие сталинградцы, присутствовавшие при этом.

Я вспомнил, что до войны Сталинград гордился знаменитым пловцом Леонидом Мешковым. Пусть мой родной город гордится теперь еще одним Мешковым, бывшим сварщиком завода «Красный Октябрь», ныне знаменитым сапером-разведчиком, кавалером ордена Славы.

Действующая армия, сентябрь 1943 г.

СТАЛИНГРАДСКИЕ ТРАДИЦИИ

Есть в нашей армии десятки тысяч бойцов и командиров, с гордостью называющих себя сталинградцами. Люди, для которых судьба Сталинграда была их собственной, личной судьбой, навсегда привязались сердцем своим к городу, ставшему им бесконечно близким.

Сталинградцы — славное имя воинов. Генералы, офицеры и рядовые бойцы — участники великого сражения на Волге — воюют сейчас на других фронтах. От Сталинграда они прошли сотни километров вперед, на своем пути они встречали немало городов и сел, но одно имя им дороже и памятнее всех — Сталинград. Им есть, что вспомнить — бои на Маныче и Донце, на Днепре и в Крыму, но чаще всего — и в кругу друзей и в тяжелые часы боев — обращаются они своими мыслями к Сталинграду. Где бы ни был сталинградский ветеран, никакие события никогда не изгладят из памяти его суровые дни осени 1942 года, страшные картины горящего, окровавленного, но трижды родного города: седое от дыма и пепла небо, каменистый волжский берег, на котором, обливаясь кровью, стояла, билась насмерть и победила врага наша армия.

Уральцы и сибиряки, москвичи и казахи — они узнали географию города не хуже сталинградских старожилов. Каждый завод и каждый квартал, улицы и дома связаны у них с неизгладимыми воспоминаниями. Они не забудут поселок Купоросный и «Квадратную» рощу, речку Червленную и балку Короватку, балку Песчаную и

южные высоты Сталинграда, вокзал и Дар-гору, городской сад и Мамаев курган, сталинградские бастионы —северные заводы города.

Младший лейтенант Ермаков, знаменитый пулеметчик, Герой Советского Союза, сейчас далеко от Волги, но он не в силах забыть Сталинграда. В письме мастерам Сталинградского тракторного завода Красавину, Москвичеву и Чернозубкину он пишет: «Где же моя родина? На Тамбовщине, в тихом селе Алгасово или на берегу Волги, в городе, который я своим сердцем выстрадал и своим оружием защищал... Земляки-сталинградцы! Я называю вас так, хотя я природный тамбовец. Думаю, что имею на это право. Его я завоевал в бою за Сталинград. Сталинград — мой город. Сердцем мой и кровью мой!».

Время идет. День проходит за днем, месяц за месяцем, год остается позади. Много воды утекло на Волге. Спят вечным сном в земле Сталинграда верные сыны России, до конца выполнившие свой долг. Витает над ними крылатая слава и добрым словом поминает их народ. Город на Волге остался далеко в тылу, за сотни километров от линии фронта. Солдату не надо оглядываться назад, он смотрит вперед. Впереди большие, жестокие бои. Но разве страшны бури старому моряку, перенесшему невиданные штормы? Так и ветерану сталинградской битвы не страшен теперь никакой огонь. Гнется на ветру молодое дерево, но стоит, не сгибаясь, рослый, крепкий дуб.

Кто пережил злую страду Сталинграда,
Жестокие ночи, гневные дни,
Тому говорить о бесстрашьи не надо, —
Тот крепче железа и тверже брони.

Сталинград позади. Но разве можно забыть улицы, политые кровью товарищей? Можно ли забыть город Сталина — вершину военной доблести, город, где нача-

лась слава многих бойцов и командиров, многих полков и дивизий? Они далеко от Волги, но мыслями они в Сталинграде. Одни мечтают после войны приехать в Сталинград, посмотреть места минувших боев, побыть на могилах товарищей. Другие хотят после войны поехать на Волгу строить новый Сталинград.

Молодой, но уже поседевший генерал Горохов, три месяца оборонявший устье Мокрой Мечетки, кусочек земли между Лотошинкой и Тракторным, переписывается со своими друзьями — рабочими, инженерами Тракторного завода. В письме секретарю Сталинградского Обкома партии тов. Чуянову он пишет:

«Сталинград нам стал родным. Он — самая незабываемая страница нашей жизни. Сталинград и сталинградцев мы часто вспоминаем и в кругу друзей за рюмкой водки и на службе. При первой возможности вырвусь посмотреть еще и еще раз наш славный Сталинград. Передайте привет рабочим и коммунистам Тракторного завода, с которым я сроднился на всю жизнь». Генерал просит обновить памятник своим боевым друзьям, поставленный на берегу Волги в поселке Рынок. «Мои погибшие ребята заслужили, — пишет он, — чтобы об их могилах хорошо заботились». На острове Спорный против Тракторного завода стояла артиллерия северной группы. Там в братской могиле похоронены артиллеристы — герои Сталинграда. Горохов просит переименовать остров Спорный в остров Артиллерийский.

Сталинград далеко позади, но слава его идет вперед, движет полки и дивизии, и само слово «Сталинград» звучит для воина, как боевой пароль. Знаменитый бронебойщик Петр Болото говорит: «Если трудно приходится в бою, если дрогнет у кого из бойцов сердце, я ему одно только слово говорю: «Сталинград», и человек сердцем становится выше и крепче. В самом деле, раз устояли

мы в сталинградском огне — никакой огонь нам теперь не страшен». То же мне сказал однажды на Днепре генерал Горохов: «Когда бывает трудно, вспоминаешь Сталинград и нынешние трудности не кажутся такими большими».

Танк гвардейца старшины Михаила Гаврилова был подбит в бою и сам танкист ранен. Неужели уходить из боя? Нет, сталинградцы не покидают поля боя. «Я взглянул, — говорит он, — на бронзовую медаль на своей груди и остался в строю. Под огнем противника мы починили танк и снова двинулись в пекло боя».

Как-то на юге одна наша рота, атакуя село, была встречена сильным огнем противника и залегла. Но вот один из бойцов крикнул:

— Сталинградцы, за мной!

Вмиг поднялись полтора десятка бойцов, а за ними остальные. Рота стремительно ворвалась в село и разгромила вражеский гарнизон.

Так поднимает воина и ведет его в бой слава Сталинграда. Напоминание о ней — «Ты воевал, как сталинградец» — высокая похвала советскому солдату. Пять молодых бойцов — Вайтулин, Винокуров, Липник, Складнов и Хорунжий, находясь в боевом охранении, 14 часов удерживали рубеж, отбивая атаки взвода немцев. Генерал Захаров вручил каждому орден Красного Знамени и сказал: «Вы держались, как сталинградцы!»

Молодой танкист Царик в первом бою сжег немецкий «Фердинанд» и расстрелял взвод немцев. «Ты настоящий сталинградец», — сказал ему командир, вручая орден Красного Знамени.

На войне гибнут люди, но не умирают традиции. Бессмертные традиции Сталинграда закаляют боевой дух воинов.

— Где бы мы ни были, — говорят бойцы, — в Карпатах, на Висле, но останемся сталинградцами.

Сталинградцы на Волге, сталинградцы в Прибалтике, сталинградцы на Карпатах — в этих словах много смысла.

Дружна и крепка испытанная в боях семья сталинградцев.

Сквозь снега, метели и жгучие ветры степей, сквозь сотни укрепленных рубежей противника, босиком через ледяной, незамерзающий Маныч, горькосоленый Сиваш, через десятки тяжелых боев прошли воины сталинградской закалки. И тот, кто остался живым, на досуге, в минуты «перекура», рассказывает новичкам о минувших боях, передает им, как боевое оружие сталинградского воинства, традиции, рожденные в сражении у Волги. Простые рассказы прокладывают мост от одного бойцовского сердца к другому.

С уважением относятся бойцы к ветеранам-сталинградцам, гордятся славой своих командиров, рожденной на Волге. Когда на слете боевого актива гвардейской дивизии выступил Петр Болото, коренастый с широким открытым лицом, простодушными, чуть с хитрецой глазами, бывший шахтер, бронебойщик с крепкими непромахивающимися руками, офицер, Герой Советского Союза,—его встретили особенно тепло и старики-гвардейцы и новички. Все бронебойщики знают его знаменитую фразу:

— Закурить в бою, это, ребята, можно, а вот промахиваться бронебойщику нельзя.

На фронте нельзя жить только вчерашней славой. Сталинградец тот, кто старается умножить свои заслуги перед страной, у кого внутри бурлит беспокойное желание — делами оправдать имя сталинградца. Этим чувством живет знаменитый снайпер Хаит Хужматов. Под Чапурниками он начал вести счет убитых немцев. Год спустя весь фронт с интересом следил за тем, как растет счет Хужматова, убившего уже 200 немцев. Пулеметчик

Афанасий Ермаков, за сталинградские бои получивший звание Героя Советского Союза, на реке Миусе повторил свой подвиг: раненый, он четыре дня отстаивал свой окоп и перебил до ста немцев. Так воюют сталинградцы.

Сталинградец не ищет в бою места потише, поукромней, он идет туда, где труднее и опаснее. Когда дивизия генерала Казарцева подошла к Мелитополю, генерал спросил командующего: «Где труднее всего?» и попросил дать его дивизии самый опасный участок. Тяжелые уличные бои в Мелитополе не были диковинкой для дивизии, Она освоила искусство уличных боев в Сталинграде и штурмовые группы, рожденные там, умело и дерзко захватывали один за другим дома Мелитополя.

Летчик-бомбардировщик Василий Ефремов — сын сталинградского рабочего, в боях на Волге заслуживший звание Героя Советского Союза, тоже не живет вчерашней славой. Уже вдали от Сталинграда он отличился еще не раз и награжден второй Золотой Звездой.

Радистку Марию Чичкан в 3-м Сталинградском мехкорпусе зовут Марусей Котлубанской. Котлубань — маленькая станция под Сталинградом, где отличилась отважная радистка. В течение нескольких часов немецкие самолеты бомбардировали место расположения рации. В этом аду Чичкан — худенькая, черноглазая украинская девушка — хладнокровно продолжала передавать по радио боевые приказы командира. Ее наградили медалью «За отвагу». Теперь она уже заслужила орден Отечественной войны.

Как-то на вечерней поверке старший лейтенант Ходжаманов скомандовал: «Кто сталинградцы — три шага вперед». И вся рота сделала три шага, хотя только шестеро из всей роты воевали под Сталинградом. Но все остальные считают себя наследниками сталинградской славы.

Мы приехали однажды с генералом Утвенко в один из гвардейских полков. Осматривая выстроившийся в линейку батальон, генерал скомандовал:

— Кто дрался со мной под Сталинградом, — два шага вперед.

И почти треть батальона вышла вперед. Указывая на них, генерал сказал, обращаясь к остальным бойцам:

— Вот это — настоящие герои, учитесь у них!

Красноармейцы и командиры бережно хранят великие и славные традиции Сталинграда. Они передаются, как наследство, они запечатлены в багряных знаменах, словно впитавших в себя благородную кровь воинов сталинградской битвы; они живут во всем — и в беседах командиров, и в песнях, сложенных почти в каждой дивизии, и в дружеской переписке с горожанами Сталинграда, в орденах и медалях, в сталинградских реликвиях — оружии, документах, в воспоминаниях о павших друзьях, а больше всего в сердцах и памяти людей.

«Наш вечный правофланговый» — так называют на фронте погибшего героя Михаила Рыбалетникова, навеки занесенного в список полка. Его имя называется на каждой поверке, и громко звучит ответ: «Погиб смертью храбрых в бою за Сталинград». Младший сержант Михаил Рыбалетников в бою получил одну за другой двенадцать ран — в лицо, в руки, в ноги, но из боя не уходил. Тринадцатая рана оказалась смертельной. Младший сержант позвал командира и угасающим голосом спросил:

— Все ли я сделал для Родины, товарищ командир?

Приказом Военного Совета фронта Рыбалетников навечно зачислен в списки полка.

Возвратились в строй раненые под Сталинградом воины. Их зарубцевавшиеся раны и шрамы — почетные знаки памяти о великой битве на Волге. Ветеран-сталинградец—живой пример верности и стойкости для нович-

ков. Вглядываясь в мужественное лицо героя, молодые бойцы повторяют слова поэта:

Это бессмертный русский солдат —
Он защищал Сталинград.

Как самое дорогое, берегут бойцы оружие ветеранов — участников боев у Волги. Гвардейцу Шереметьеву вручили миномет, который прошел все сталинградские бои, и боец гордится, что он стал наводчиком такого знаменитого оружия. Недавно минометчики были в разведке и встретились с немецким танком и вражескими автоматчиками. Бойцами командовал сталинградский ветеран Данченко. Шестеро красноармейцев подбили немецкий танк и рассеяли вражеских автоматчиков. Бойцы возвратились в свою часть и доложили командиру о результатах боя.

—Очень хорошо,—сказал командир,—а миномет в исправности?

— Мы его пуще глаза бережем, — ответил Шереметьев. — Он у нас сталинградский...

В боях на Волге выросла блестящая плеяда советских командиров. Здесь прошли они классическую школу сталинского военного мастерства, непревзойденный в истории опыт обороны и наступления, окружения и полного разгрома колоссальных сил противника. Сталинград был школой, какой никто из них не проходил в академиях. И теперь, управляя боем, обучая молодежь, они неизменно обращаются к сталинградскому опыту, воплотившему в себе сталинскую военную мудрость и великую красноармейскую доблесть. Сталинград научил устойчивости в обороне, искусству маневра, умению использовать резерв, наиболее выгодно располагать войска. Знаменитые штурмовые группы, родившиеся в уличных боях в Сталинграде, прочно вошли в боевую практику частей. По образу и подобию штурмовых групп 62-й армии создавались штурмовые группы, прославившие себя в боях

под Зимовниками, на Миусе, Молочной, на Перекопе.

Идет штабное учение. Генерал Захаров, один из руководителей обороны Сталинграда, вспоминает, как было блестяще организовано в городе управление огнем всех видов артиллерии. К вечеру, выяснив, где противник собирается наступать, штаб ночью стягивал в том направлении наибольшее количество артиллерии. Всю ночь противника изматывали бомбардировкой с воздуха, а утром артиллерия заградительным огнем останавливала атаку немцев, громила их. Когда, например, немцы атаковали Мамаев курган крупными силами танков и пехоты, им преградил путь огонь двухсот орудий. Этому опыту тактического и оперативного использования артиллерии генерал настойчиво учит сегодня. Необходимость хорошо зарываться в землю генерал подтверждает убедительным примером: «В Сталинграде нас немцы по десять часов в день бомбардировали, и если бы мы не зарывались хорошо, вряд ли остался хоть один живым».

Сталинград научил воинов тому, как в самых трудных обстоятельствах можно выдержать и сохранить силы.

33 сталинградских богатыря, участники боя с 70-ю немецкими танками, служат теперь в разных частях. Рядовые бойцы, они выросли, стали командирами. Один из них, старший лейтенант Леонид Ковалев, бывший до войны заведующим сберкассой в Приморье—единственный сталинградец в своей роте противотанковых ружей. Но все бойцы его роты чувствуют себя сталинградцами, как будто бы они сражались у Волги. Сейчас Ковалев заботливо воспитывает бронебойщиков, учит их владеть противотанковым ружьем, зажигательной бутылкой и гранатой. Вот только-что пришли в роту новички. Они разобрали противотанковое ружье, и Ковалев говорит им:

— С этим ружьем, ребята, шагать тяжело, но зато с ним не надо бегать от немецких танков . . .

Новички уже знают о подвиге 33-х и поэтому с осо-

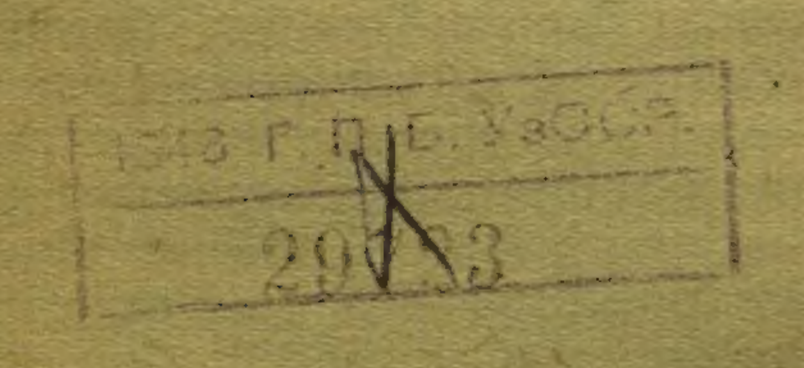
бым уважением прислушиваются к каждому слову Ковалева.

— Мы о вас читали, товарищ командир,—застенчиво говорит один из бойцов. Он достает из кармана аккуратно сложенную газету и вслух читает: «На Ковалеве загорелась шинель, и он бросил ее на немецкий танк и в шуме моторов и лязге гусениц, в грохоте выстрелов был слышен голос Ковалева:

— Мы на своей земле лежим, ребята! Сражаться до последнего!»

... Далеко от Сталинграда походными колоннами идут сталинградские части. Полощатся на ветру и горят на солнце алые знамена, заслуженные в боях на Волге. Летит над ротами песня о Сталинграде. Это идут сталинградцы —любовь и гордость нашей армии. Они несут в сердцах честь и славу великой сталинградской победы. На их вооружении состоят бессмертные традиции прославленного города.

Действующая армия, июнь 1943 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор А. Г. Филиппов.
Художник В. М. Петинов.
Корректор А. Д. Зерова.

Сталинградское книгоиздательство. Подписано к печати 21-V-1945 г. Учетно-издат. листов 4,4. Печатных листов 6,5. Тираж 10000. НМ 15307.

г. Сталинград. Тип. областн. управ. издательств и полиграфии. Заказ 1071

0-50к

~~5 руб.~~